

#подростки

• И З Г О И •

#подстава

#космос

O'ROU

#чудовище_во_тьме

#смотрящий_на_звезды

#тень

#внимание

#опасность

#любовь

#призрак

ИСПЫТАНИЕ СТРАХОМ

Олег Юрьевич Рой
Испытание страхом
Серия «Изгой», книга 2
Серия «Изгой. Романы Олега Роя»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35511069
О. Рой. Испытание страхом: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-184753-1

Аннотация

Их собрали, обещая научить эффективно использовать данные от рождения суперспособности, однако чем дальше, тем яснее ребята понимают: наставники что-то недоговаривают, а то и вовсе им лгут. Куда направляется «Левиафан», на который привезли их кураторы? Что за чудовище скрывается в одном из отсеков и с какой целью затеяна эта опасная игра, ставка в которой – человеческие жизни?.. Только сплотившись, они могут противостоять опасности, а потому сейчас, как никогда, для них становятся важны простые человеческие чувства – дружба, взаимовыручка и, конечно, любовь.

Содержание

Испытание страхом	5
Часть I. Первая кровь	17
То, что пусто теперь...	17
Клуб любителей машин, больших и маленьких	54
Наследники Гая Муция	85
Кто проживает на дне океана?	110
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Олег Рой

Испытание страхом

© Резепкин О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * ***

Испытание страхом

По освещенному лишь аварийными лампами коридору бежали андроиды. Скафандры биозащиты скрывали их тела и лица, но лишь андроиды способны так синхронизировать свои движения, чтобы носилки не испытывали ни малейших колебаний, способных повредить тому, кого переносят.

На носилках лежало тело в капсулирующей оболочке. О том, что этот человек жив, свидетельствовали только приборы, которые контролировали жизнь тела и отчасти поддерживали ее. Судя по показаниям, от смерти человека отделяла лишь тонкая грань.

Коридор был длинным, но даже самый длинный путь заканчивается; открылись двери, и андроиды со своим грузом оказались в хорошо освещенном помещении медлаба. Здесь их уже ждали двое людей в скафандрах биозащиты. Безмолвные слуги осторожно закрепили носилки на операционном столе. Стол немедленно ожил – одни манипуляторы споро вскрыли оболочку с телом, другие столь же уверенно принялись подсоединять пациента к системам жизнеобеспечения стола. Люди тем временем склонились над телом.

– Ничего себе, – сказал один из них. Маска биозащиты искажала голос, так что даже не понятно было, женщина говорит или мужчина. – Капитально же ей прилетело.

– Она не знала, с чем имеет дело. – Второй голос опре-

деленно принадлежал женщине, даже маска не могла это скрыть. – Черт, все произошло слишком быстро...

– Забей, – посоветовал первый. – Ты ни в чем не виновата. Потери неминуемы, разве он тебе не говорил?

Женщина склонила голову. Первый же тем временем осматривал пациента, если кусок плоти, лежащий на столе, можно было так назвать...

– Сухая гангрена, – констатировал человек. – На первый взгляд. А если присмотреться...

Он одним движением расстегнул застежку краги и сбросил перчатку прямо на пол. Под перчаткой оказалась женская ладонь – красивые, тонкие пальцы, казалось, были созданы для хирургии – длинные и сильные, несмотря на кажущуюся хрупкость. Женщина приподняла руку пациентки, вернее, попыталась это сделать – кусок руки с мизинцем с хрустом отломился.

– М-да, – сказала она. – Кажется, с руками у нас о-очень большие проблемы. Надо ноги посмотреть. Что это вообще такое?

– Криогенный удар, – тихо ответила другая женщина. – Затронуты только конечности.

– В данном случае это не важно, – заметила первая. – Единственный выход – полная ампутация. Иначе вскоре все это начнет гнить, потом заражение крови и кирдык...

Она задумчиво подперла кулаком подбородок маски:

– Может, проще ее добить?

Вторая женщина вскинула голову:

– Ты не понимаешь, что говоришь! Они все для нас ценны! Каждый из них! Если мы можем ее спасти...

– Мы? – в голосе первой женщины послышалась издевка. – Не мы, а я. Да, я могу ее спасти – отчекрыжив ее престные ручки и ножки. В конце концов, у нас есть запасные, а я всегда мечтала увидеть... не важно.

Она осторожно придвинула к столу манипулятор, на котором был закреплен лазерный резак:

– Я понимаю – она из **твоих**. Понимаю, как ты к ним относишься. Особенно к этим деклассированным из седьмой. С учетом того...

– Замолчи! – вскрикнула вторая женщина. В ее вскрике было что-то птичье, так кричат раненые чайки. – Что ты знаешь? Не тебе меня судить!

Первая женщина пожала плечами, попутно проводя пальцем по почерневшей руке девушки на операционном столе. Манипулятор с резаком повторял ее движения:

– Будь это кто-то из моих, ты бы и не почесалась. Но мне пофиг на все это, я делаю свою работу. Я спасу тебе твою игрушку, но ты уверена...

– Уверена! – поспешила ее заверить вторая. – Давай, быстрее, у нее не только руки-ноги заморожены...

– Вот в чем я точно не нуждаюсь, так это в твоих советах, – ответила первая. – Лучше принеси выпить, толку куда больше...

Вторая хотела было что-то возразить, но кивнула, отошла от стола и поспешно вышла из помещения.

– Ну что, милочка, – обратилась первая женщина к телу на операционном столе. – Придется попортить немного твою бархатную кожу, не возражаешь? Эх... а ведь только позавчера я делала тебе татуировку...

Сверкнул луч резака, и свешивающаяся со стола рука девушки упала на пол. Стука не было, лишь легкий шлепок, а потом на месте падения отсеченной руки поднялось небольшое облачко серой пыли.

– Одной рукой меньше, – заметила женщина, когда пыль улеглась. – Давай я теперь отрежу тебе ножку, не возражаешь?

На сей раз лазер работал немного дольше. Когда луч погас, женщина-хирург сказала:

– Ничего, невелика потеря. Я пришью тебе новые ножки, да такие, что все парни будут твои. Ты молодая, теломеры длинные, вырастим тебе все, что нужно...

Она занялась второй ногой, точнее, пока работал лазер, быстро проверила ампутационные поверхности ранее удаленных руки и ноги.

– Знаешь, милая, – обратилась она к находящейся без сознания пациентке, – бывает и хуже. Когда-то меня от одной мысли о протезах начинало тошнить, но уже тогда они у меня вызывали какой-то интерес. Я боялась этого, я думала, что в этом есть что-то извращенное, чудовищное, неестествен-

ное...

Она принялась рассматривать свежий срез, тампонированная едва заметное капиллярное кровотечение. Потом выпрямилась и сказала:

– Чушь, бред, чепуха! *Sed et si potes fieri, magis utere*¹! Человеческая плоть слабая, к тому же она излишне хрупкая, но мы можем сделать ее сильной, непобедимой, бессмертной!

– Мы? – спросил чей-то иронический голос. Женщина вздрогнула и обернулась. За ее спиной стоял высокий человек в костюме биозащиты, однако не могло быть сомнений, что это мужчина.

– Вы, босс, – склонив голову, ответила женщина. – Конечно, все лишь благодаря вам.

Мужчина кивнул и, подойдя к столу, приподнял еще не ампутированную руку:

– И что вы планируете с этим делать?

– Вырастим ей новые конечности, – ответила женщина. – Думаю, вторую модель и для рук, и для ног...

– Руки сделайте третьей, – сказал мужчина. – Она это заслужила. Редкое бесстрашие для пятнадцатилетней девочки.

– Сделаю, – пообещала женщина. – Вы же знаете...

– Знаю, – перебил ее мужчина. – Как и то, что тебе боль-

¹ Если можешь [стать свободным], воспользуйся лучшим (1-е Кор. 7:21, *лат*). Смысл цитаты заключается в том, что человек может и должен стремиться к лучшей судьбе. Эта цитата из Библии используется для опровержения постулата некоторых деноминаций о недопустимости для христианина пластических операций и т. д.

ше нравится ампутировать, а не выращивать. Тем более – лечить.

Несмотря на то, что лица женщины нельзя было разглядеть под шлемом костюма, вся ее поза выдавала смущение, если не обиду:

– Конечно, моя квалификация не идет ни в какое сравнение с вашей, – сказала она тихо, – но неужели я заставила вас сомневаться?..

– Ну что ты, – отрезал мужчина, – я сказал то, что сказал: резать ты любишь больше, чем лечить. Это не значит, что ты плохо лечишь. Но твой конек – анализ, а не синтез, и это хорошо.

Мужчина присел на край стола, ничуть не смущаясь тем, что на нем лежит тело:

– Апиствия, ты совершенна. Мы об этом уже не раз говорили. Порой мне кажется, что ты сомневаешься в моих чувствах, но я люблю тебя не меньше, чем Надин. Я всех вас люблю одинаково. Тех, кто не предал меня. Тех, кто остался верен. Вы – мои жены-мироносицы; когда меня оплевали, вы вытирали плевки, вы снимали меня с креста, вы клали меня в гроб и вы присутствовали... что я говорю, ты сама знаешь. Как я могу не любить тебя? Твой характер – плод моих трудов. Ты такая потому, что я тебя такой создал. И, кстати, ты даже больше похожа на меня, чем Надин, которую ты считаешь своей конкуренткой. Последнее время я вижу в тебе некое напряжение, и я даже знаю его причины. Ты хотела,

чтобы семерка была твоей, да?

Апистия, та женщина, что оперировала девушку, кивнула, по-прежнему со смущением.

— Какие вы, в сущности, дети. — В голосе мужчины послышалась теплота. — Ты ведь считаешь, что лучше справились бы с ними?

Апистия кивнула.

— О, да, у тебя бы они по струнке ходили! Но мне не надо, чтобы они ходили по струнке. Семерке не нужна железная дисциплина, в слабых, по сравнению с твоими, руках Надин они раскроются лучше.

— Я вижу, — Апистия фыркнула, ткнув пальцем в оставшуюся руку бесчувственной девушки. Запястье хрустнуло и повисло на сухожилии. — Вы не возражаете, если я закончу ампутацию?

— Валяй, — согласился мужчина, по-прежнему сидя на столе. Апистия стала настраивать лазер, мужчина продолжил: — Твой план только тогда совершенен, когда даже неожиданные события идут ему на пользу. А то, что произошло, неожиданным никак не назовешь. Не стану вдаваться в долгие объяснения, просто поверь мне, все идет по плану. И кстати, семерка — не фавориты, как ты могла бы подумать. У меня нет фаворитов — я знаю, что те, кто сегодня впереди, могут завтра оказаться сзади или вообще сойти с дистанции. У каждой цепочки есть шанс стать прима-цепью, у каждого куратора — доказать, что именно его обучение — самое

эффективное. И наоборот – те, кто сегодня, сейчас лучшие, завтра могут оказаться в отбраковке. Успех – такое же искушение, как препятствие или неудача, но больше срезаются не на неудачах, а на успехе.

Апистия молчала, и мужчина продолжил:

– Надеюсь, ты меня поняла. Видишь ли, мне совсем не все равно, когда кто-то из моих любимых детей чувствует себя обиженным. Я создавал вас не для страданий. Оставьте страдания попам, мои дети созданы для того, чтобы торжествовать со мной. Я жду, что ты приободришься, ты нужна Проекту не меньше, чем Надин.

– Я... – Апистия отсекла руку, но, видимо, не совсем аккуратно, и сейчас с помощью небольшого тихо гудящего инструмента обрабатывала срез, тампонируя выступающую кровь. – Я сделаю все, как нужно. Не сомневайтесь. Для меня важно было услышать то, что вы сказали. У меня никого нет, кроме вас.

– У тебя есть сестры и братья, – возразил мужчина. – Вы, может быть, не в лучших отношениях, но они – твоя семья. Апистия, Апистия, против нас весь мир, а вы выясняете, кто из вас больший. Найдите повод сплотиться. Вскоре вам придется действовать совместно. Я говорил тебе об этом.

– Я не хочу в это верить, – Апистия резко дернула головой, отрицая сказанное. – Вы не можете нас оставить. Вы – наш бог, вы – душа и тело Проекта...

– И его мозги, – напомнил мужчина. – Потому вас трое:

тело – это Барака, душа – Надин, а мозг – ты, моя девочка. Звучит немного иронично, но у нас с тобой особые отношения, ты же знаешь.

Женщина кивнула. Она выпрямилась и, подойдя, обняла мужчину. Тот похлопал ее по спине и отстранил:

– Я вижу, ты в порядке. Ладно, мне надо к нашим овцам. Я слышу, Надин уже на подходе.

Его фигура замерцала, словно была голограммой, хотя до того не возникло сомнений в материальности мужчины. Затем мерцание стало чистым светом, который погас как раз тогда, когда двери медлаба открылись и вошла вторая женщина. В руках у нее был поднос с виски, двумя стаканами и бутылкой содовой.

– Решила составить мне компанию? – усмехнулась Апиствия, снимая маску. – Ставь сюда, рядом с ногами.

– А ты быстрая, – ответила Надин, ставя поднос на стол возле ампутационных срезов девушки. – Управилась уже...

– Чего там управляться, – пожала плечами Апиствия, открывая бутылку. – Чик-чик, и ни ручек, ни ножек. Твоя работа сложнее.

– Мою работу за меня делают принтер и программы. – Надин сняла шлем биозащиты и положила его девушке на живот. – Как она?

– Что ей станется? – пожала плечами Апиствия. – Лежит в искусственной коме, все, что нужно, я законсервировала. Только поверхность не прикрывала, чтобы ты могла взять

образцы для генного конструирования.

Пока Апиствия говорила, она успела наполнить бокалы виски. Эта марка виски была лучше, чем та, что Апиствия потребляла раньше. Один бокал она протянула своей собеседнице.

– Надин, – сказала Апиствия. – Между нами были трения, глупо это отрицать. Наверно, так и должно быть. Мы все немного ревнуем друг друга к... нему. Я иногда вела себя глупо, признаю это. Надин, милая, я хочу, чтобы ты знала – я... дорожу и восхищаюсь тобой. Ты – самое совершенное творение нашего отца. Потому именно тебе он доверил семерку. И я хочу, чтобы ты знала, что можешь рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

– Я знаю, Апиствия, – кивнула Надин. – Знаю и испытываю к тебе те же самые чувства. Ты всегда была для меня старшей сестрой, хоть я и помню то время, когда тебя не было в Проекте. Но когда ты появилась, словно яркая звезда взошла на тусклом небосводе. Я восхищалась тобой, твоей силой и решительностью, и восхищаюсь до сих пор. И я...

Надин опустила голову, формально потому, что добавляла содовую в виски. Но щеки ее заметно порозовели.

– Я хочу быть похожей на тебя в этом. А еще я помню то, что было между нами раньше. До того, как мы стали кураторами.

Глаза Апистии блеснули:

– Ты помнишь?

Смущенная Надин кивнула:

– И мне очень этого порой не хватает. Но сейчас тебе не до меня...

Апистия отставила стакан и подошла вплотную к Надин:

– Мне всегда до тебя, моя девочка. Я очень по тебе скучала...

Надин смущенно отвернулась:

– Давай выпьем... за нас. На брудершафт, как когда-то давно...

– Не так уж и давно. – Апистия взяла бокал, и они с Надин, скрестив руки, выпили.

– А ты с каждым годом все лучше, – заметила Апистия. – Не стареешь, не то, что я.

– Милая, мы же в Проекте, – сказала Надин, лукаво улыбаясь, – мы никогда не умрем. Но, мне кажется, ты что-то забыла.

– Не забыла, а отложила, – ответила Апистия. – Давай закончим с... твоей подопечной.

– Хорошо, – кивнула Надин. – Но неужели ты не хочешь меня поцеловать?

Апистия не ответила, она просто прижалась губами к губам Надин. Поцелуй был страстным, в нем было мало нежности, но много чувств.

– Женщина с тысячей лиц, – сказала она, отпуская Надин. – И я не знаю, какое из них мое.

– То, которое ты любишь больше всего, – ответила На-

дин. — Давай закончим побыстрее, чтобы у нас еще осталось немного времени. Приготовь консервационный гель, а я пока возьму материал для клонирования.

Часть I. Первая кровь

То, что пусто теперь...

Джинн

Кровь вытекает так же легко, как вода.
Сладкой победа не бывает почти никогда,
Как без шипов не бывает в природе роз,
Так не бывает победы без скорбных слез.
Некогда объяснять, просто поверь,
Каждый день удлиняет список твоих потерь
В жизни сражения часто нельзя избежать.
Но будь готов к тому, что придется что-то терять...

Мы победили. Стоя в пустом Зале Собраний, я думал, как, оказывается, горько звучит эта фраза: мы победили. Наверно, мой любимый рэпер прав – без потерь победы не бывает. Но одно дело, когда ты знаешь об этом в теории, и совсем другое – почувствовать это в реале.

Наверно, в эти минуты каждый из нас вспоминал, как это случилось. Гордиться нам было нечем – появление враже-

ских дронов привело нас в панику. Паника проявлялась поразному – мы с Фредди тут же оттеснили девушек назад, а Призрак и Бракиэль, не сговариваясь, открыли огонь. У Бракиэля оказался небольшой лучемет, совсем крохотный. Призрак стрелял из своей «беретты». У нас с Фредди были такие же, но мы даже не догадались достать их.

Тень и Дария явно были напуганы, а вот Куинни сохранила хладнокровие. Когда Призрак первый раз попал, и по нам открыли ответный огонь, она что-то сделала, я так и не понял, что именно, и заряды противника нас не достигли.

В этот момент я немного пришел в себя и тоже достал «беретту». Фредди, которого Призрак снабдил отпечатанным на принтере оружием, выстрелил раньше меня, но не попал. Я тоже промахнулся. Призрак выругался:

– *Che cazzo*, у нас патронов много, что ли? Закройте глаза и позвольте сверхсиле наводить оружие, кретины!

– Девочки, уходите, – сказал я, пытаюсь сделать то, о чем говорил Призрак. – Мы вас прикроем...

– Вот еще, – возразила Дария, становясь у меня за плечом. – Мы уйдем, а вы тут погибать будете? И к тому же ты видишь, какие эти дроны прыткие, думаешь, мы далеко убежим?

К этому моменту я действительно это видел. Неудивительно, что я промахнулся, тут и мастер спорта по стрельбе не попал бы! Дроны, даже те, что двигались по земле (а также потолку и стенам), были невероятно быстрыми. Но когда я,

как сказал Призрак, позволил сверхсиле вести себя, выстрелы стали точнее.

А затем между нами материализовался Цезарь, и все пошло веселее. Мы сгрудились вокруг мотоцикла, прикрытые его щитом. Дроны вились вокруг нас, то и дело стреляя, но без толку – защита мотоцикла нас прикрывала.

– Ну, я им сейчас покажу, – зло сказал Призрак, садясь в седло. – У меня тут такое есть...

Что именно у него есть, я знал – аппаратура подавления электронных систем. Вот только на наших противников она не подействовала. Призрак недоуменно уставился на меня, словно я был виноват в том, что его хитромудрые приборы не работают.

– Военная электроника, – сказал я, пожав плечами. – Экранированная.

Призрак сплюнул. Патроны к тому моменту закончились, и, хоть у нас только пара выстрелов пропала впустую, количество нападавших не только не уменьшилось, но, кажется, еще возросло.

– Этот saazatta экран сажит батарею, – тихо сказал мне Призрак, с бессильной злобой глядя на кружащихся вокруг экрана дроидов. Я тоже следил за ними; видимо, где-то в глубине пещеры у них была док-станция – то и дело то один, то другой дроид, отстрелявшись, уматывал куда-то, а на смену ему появлялся новый.

– И что ты предлагаешь? – спросил я.

– Che cazzo, я должен предлагать? – возмутился Призрак. – Кто у нас электронщик? Я пытался нащупать их механическую часть – neanche cazzo, глушилка тоже не работала, cazzo di merda...

– Стоп, – сказал я. – Купер, ты здесь?

– Так точно, – моя фича материализовалась между мной и Призраком.

– Твои выводы о ситуации? – спросил я.

– Паршиво, – ответил Купер. – Атакующая группа управляется и поддерживается извне. В глубине тоннеля находится неопознанное устройство, хорошо экранированное от доступных мне средств наблюдения, на нем, вероятно, станция радиоэлектронного подавления, глушащая все системы, кроме своих.

– Все системы? – удивился я. – В смысле?

– Поправка, – ответил Купер. – Не все системы, а все интеллектуальные системы – управление, связь, техническая разведка, РЭБ...

– Стоп, – перебил его я. – Но ты же работаешь?

– Мой аватар лежит в глубоком нокауте, – ответил Купер. – Я сейчас существую полностью автономно, за счет твоих внутренних ресурсов.

Говорят, какой-то ученый нашел ответ задачи, над которой бился, сидя в ванной. Это так его воодушевило, что он, как был, голым, выскочил и помчался на улицу с криками «У меня получилось» или типа того. Честное слово, я его

понимаю...

– То есть ты можешь имитировать работу электронных устройств, даже если они вырубались? – уточнил я.

– Раньше не мог, – ответил Купер, – но когда ты пересадил себе новый аватар для меня, мои возможности многократно выросли. Так что теперь я могу игнорировать любые помехи извне, и не только это...

– Так, – сказал я. – Ты в контакте с Цезарем?

– Мы всегда в контакте, – ответил Купер. – Это называется цепочка. Сейчас, правда, в нашей цепи не хватает одного элемента, но...

– Можешь... – я не знал, как сформулировать задачу, а экран между нами и дронами стал заметно тускнеть, времени у нас оставалось критически мало, – эмулировать работу бортового оборудования Цезаря, которое...

– Я понял, – похоже, моя фича переняла у меня свойство перебивать. – Цезарь выполнит все под моим управлением. Попроси Призрака сесть в седло. И вот что еще, я думаю, стоит сделать кое-что еще, одну минутку...

Черная Королева

Очень странно, но с тех пор, как я стала задумываться о магии моего народа, эта самая магия, словно... не знаю, как будто поселилась во мне. Например, мне на ум постоянно приходят старинные песни, большинство из которых для ме-

ня звучит совершенно незнакомо. Что это – генетическая память? Откуда эти незнакомые мотивы и странные слова?

Сейчас я слышала очень грустную песню, не удивлюсь, если зауспокойную. В ней пелось о дальней дороге, ведущей в призрачный край. О том, что каждый отправляется в этот путь в одиночку, хотя провести его приходят многие. О том, что путь между стен тумана ведет к далеким звездам, забытой отчизне нашего рода...

Я, наверно, совсем не умею скорбеть. Нет, не так – моя скорбь не отражается внешне, она в глубине души. Где-то там, где колодец невыплаканных слез, в котором эхом отдаются сдержанные крики, стоны и плач. Снаружи я кажусь такой же, как раньше, но я уже другая...

Я привыкла прятать эмоции – детские радости и восторги, удивление, недоумение и даже страх. Особенно страх. Наверно, со стороны я кажусь бесстрашной, но внутри меня живет такой страх, что... не знаю, с чем даже и сравнить. И конечно, я испугалась, так же как и другие девочки, но постаралась это не проявить. Быстрее меня сориентировались только Призрак и Бракиэль – никто еще толком ничего не сообразил, а эти двое уже палили по приближающимся дронам. Еще через минуту открыли огонь Джинн и Фредди, те постарались оттеснить девочек, включая меня, но со мной это не получилось. Дело в том, что дроны открыли ответный огонь, и я, чисто интуитивно, выставила тот же щит, что и когда-то в Африке. Девочки удивленно ахнули. Однако если

в Африке, наверно, от испуга, я не чувствовала ничего, то здесь каждое попадание в щит отдавалось в моем теле, словно в меня тыкали палкой.

Девочки сориентировались быстро. Ума не приложу, как они узнали, но неожиданно я почувствовала прилив сил, какой, должно быть, чувствовала Тень, когда мы помогали ей в подземелье. Выстрелы тем временем стихли – у ребят закончились патроны.

А потом появился Цезарь, и Призрак с Бракиэлем буквально затащили меня под развернутый купол. К тому моменту я себя чувствовала так, словно пару часов поток тащил меня по камням горной речки. Я присела, опираясь на Цезаря, ко мне тут же подоспели Тень и Дария, но чем они могли помочь? Увы, Льдинки с нами не было, и я боялась даже думать о том, что с ней – ее фича, равно как и фича Олги, не ощущалась нашими, и значить это могло, конечно, что угодно, но, скорее всего, значило только одно...

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем перед нами появились наши фичи. Эсмеральда держала на руках Талисмана, рядом с ней стояла моя фича, мрачная, как всегда.

– Каждая из вас думает о том, как выбраться из этого положения, – глухо сказала моя фича. – Мы посоветовались и решили вот что. Сейчас Купер с Цезарем вырубят электронику этих аппаратов. У них системы экранированы, к тому же имеются резервные системы управления, так что вырубится не все, но...

– ...они будут дезориентированы, – перебила ее Эсмеральда. – Дальше вам нужно будет выложиться.

– Как? – спросила Тень.

– Джинн и Призрак вырубят электронику атакующих, после чего Фредди с Бракиэлем пойдут в контратаку. В глубине пещеры стоит какая-то шняга, которая всем этим заправляет. Попробуем взять ее тепленькой.

– А нам что делать? – снова спросила Тень.

– Ты накроешь Фредди с Бракиэлем невидимостью, – сказал Талисман. – Будет тяжело, но постарайся сделать так, чтобы невидимость держалась на них всех, и чем дольше – тем лучше.

Тень кивнула.

– Ты, – велела моя фича, – опять поднимешь щит. Знаю, что тяжело, знаю, что боишься. Но надо. Перед началом боя мы сольемся с вами – это придаст вам сил, но лучше этим не злоупотреблять – ваша нервная система к такому еще не готова.

– А я? – спросила Дария.

– А ты, – ответила ее фича, – будь готова выдернуть обоих сюда. И учти – у них окажется груз, может, довольно тяжелый, а у тебя, кроме меня, никакой помощи нет.

– И цепочка у нас разорвана, – грустно заметил Талисман, – я в отчаянии, ищу Арвен и не нахожу...

Фредди

Усевшись в седло Цезаря, Призрак разрядил свою «беретту» и протянул мне обойму.

– Тут три патрона, – сказал он. – Возьми, на всякий случай.

– Оставь себе, – ответил я, понимая, почему он оставил именно три патрона. – У Бракиэля есть его лучемер, а у меня вот это, – и я показал ледяной сталагмит, отломленный мной, когда закончились патроны.

– Cazzarolla, с дубиной на дронов! – Призрак уставился на меня, словно видел впервые. – *Perfecto stronzo, a te che, coglioni da acciaio*²?

– *Neanche cazza*, – общаясь с Призраком, быстро научишься плохому. – Мне так же страшно, как и тебе. Ничего, справимся.

– Кто тебе сказал, что мне страшно? – распетушился Призрак, но его осадил Джинн:

– У нас все готово. Ребята, вы как?

Я посмотрел на Призрака. Того окутало пламя, но от этого пламени не веяло жаром. А сам я словно оделся в странную черную броню – моя фича слилась со мной. Вот черт! Я почувствовал ноги, а ведь я не знал этого ощущения с раннего

² Примерный перевод с итальянского жаргона: «Сумасшедший, у тебя что, стальные нервы?»

детства. Более того, мне не нужно было больше силой воли их переставлять. Это на секунду выбило меня из колеи, но лишь на секунду, не больше:

– Готов. Бракиэль?

Он кивнул. На нас он не смотрел. Фичу его я тоже не видел. Интересно, как она все-таки выглядит? Ни я, ни Призрак с Джинном ее так и не видели, а девочки если и видели, то хранили молчание. Равно как и моя собственная фича, но Молчаливый Гигант был не особо общительным, даже со мной.

Тем временем к нам подошли девочки. Наверно, мне должно было стать страшно, но... я чувствовал странное возбуждение. Мне не терпелось опробовать ноги, наконец-то ставшие моими в полной мере.

– Три-четыре, – сказал Джинн, и через мгновение в пещере сделалось ощутимо светлее, а затем словно световая волна от ядерного взрыва, ускоряясь, понеслась от Цезаря во все стороны, и там, где она проходила, летающие и прыгающие дроны либо валились на землю, либо зависали на месте, либо начинали хаотично метаться. Зрелище было то еще... я крепче сжал сталагмит в правой руке и приготовился.

– Вперед, – скомандовал Джинн, когда экран вокруг Цезаря погас. И мы рванули.

Бегал я впервые в своей жизни, и у меня просто дух захватило – это было круто! Еще в монастыре я на компьютере гонял в симулятор американского футбола; здесь на базе

нашел почти такой же и в свободное время немного поразминался на нем. А сейчас это происходило вживую.

Не все дроны были выведены из строя. Какие-то из них, несмотря на то, что Тень накрыла нас невидимостью, фиксировали наше передвижение и бросались на нас, другие просто попадались на пути. Пару летучек я сбил сталагмитом, одного ползающего робота поднял телекинезом и швырнул в другого – тот стоял на месте, но палил поперек коридора. Второго такого же застрелил Бракиэль, который вообще довольно метко отстреливал ползающую, прыгающую и летучую пакость, окружающую нас со всех сторон. Один раз он сострелил дрона, запрыгнувшего мне на спину, другой раз – я отшвырнул у него из-под ног подозрительный шар, тут же выпустивший пару лезвий (одним из которых он впился в ледяную стенку, да так и завис). Наконец, впереди показалась наша цель...

Бракиэль

Не люблю бегать. Умею, но не люблю. Обычно. Но не в данной ситуации.

Если честно, я был чертовски напуган, но мой страх шел от разума, а не от чувств. В отличие от ребят, я знал, с чем мы имеем дело. Нам противостояло нечто, что в израильской армии называется «легион» – разнородная боевая группа беспилотных аппаратов. Двести пятьдесят беспилотников с ав-

томатическим оружием – спаренным штурмовым автоматом и импульсным лазером. Сто пятьдесят наземных дроидов с двумя такими стволами и ракетницей. Сто пятьдесят «хагавов» – прыгающих дроидов с бронебойным жалом, способным пропороть бронежилет третьего класса, и одноразовым гранатометом, и до тысячи «катящихся ужасов» с парой подвижных лезвий и зарядом взрывчатки, способным разнести танк вроде семерки – седьмой «Меркавы», я имею в виду.

Когда Фредди такой шар отшвырнул своим сталагмитом, как хоккеист шайбу, у меня даже ноги подкосились – а ну как рванет? Впрочем, «катящиеся ужасы» во множестве лежали у нас на пути или катались без видимой цели, не реагируя на наше передвижение. Беспилотники так же в основном либо попадали, либо зависли, лишь несколько носилось туда-сюда (я их по мере возможности отстреливал). Наземные дроиды в основном дезактивировались – пару уцелевших мы с Фредди сопровождали в геену каждый по-своему. Но наиболее опасными были хагавы. Один такой чуть не отправил Фредди к праотцам – первый раз он заехал жалом ему меж лопаток, комбинезон Проекта выдержал, но хагавы – штуки умные, и второй удар пришелся бы в шею – Фредди был без балаклавы. Но я отреагировал быстрее.

Когда я решаю какую-то важную задачу, то я не отвлекаюсь на посторонние мысли, но они где-то скапливаются в подсознании, а потом всплывают. Иногда чертовски поздно. Например, сейчас – может, я бы придумал какой-то более

эффективный способ, если бы не отфильтровал одну мысль, показавшуюся мне неважной. Но когда я увидел его...

Больше всего он походил на помесь старинного «Хаммера» с увеличенным в разы крабом – горбатый черепахообразный корпус машины опирался на четыре лапы. Бортовая турель выпустила в нас очередь импульсов, но сильно забрала вправо, импульсы прошли довольно далеко.

– Это что еще за... – начал, было, Фредди, но я его перебил:

– Отвлеки его!

– Как? – уточнил тот.

– Швырни в него что-то, – посоветовал я. – Он хоть и косой, но вблизи может и не промахнуться, а мне никогда не хотелось закончить жизнь в качестве рыбы фиш, сечешь?

Он кивнул, а затем один из замерших у борта машины наземных дронов воспарил в воздух и врезался в то место, где у нормального «Хаммера» лобовое стекло. Я не стал наблюдать за развитием событий – оттолкнулся, прыгнул и кубарем покатился под пузо машины. Мимо толстых щупалец, к которым присоединялись для зарядки дроны – сейчас они безжизненно висели, лишь некоторые пытались отреагировать на мое передвижение прямо к конусообразному днищу в задней части.

Сверху послышался удар, чудовище покачнулось. Краем глаза я видел вспышки лазера, которыми машина отстреливалась от дронов, швыряемых в нее Фредди. Иногда она даже

попадала – следовала вспышка, и обломки дрона валились на землю. Но я не сильно обращал на это внимание. Я знал, что делать.

Призрак

– Я думаю, надо было тупо отступать под прикрытием Цезаря, – сказал я, – а не мутить эту cazzatta, per bucca di culo!

– Чего уж там, – отмахнулся Джинн. – Как говорится, если бы я вчера был таким умным, как моя мамка сегодня...

– Cazzarolla, надо что-то делать, – я места себе не находил. Чихать мне на Бракиэля, но если с Фредди что-то случится... привязался я к этому увальню. Perfecto stronzo... И потом, хватит уже потерь. Я молчал, как рыба, но в глубине души был уверен – Олга и Лыдинка погибли. Не знаю, как и почему, может, вот эти напали...

А все-таки поработали мы на славу! Пол пещеры был усеян лежащими без движения и слабо подпрыгивающими механизмами – дронами, роботами, еще какой-то sassare cazzatta... Молодчинка, Цезарь, что ни говори.

«Спасибо, босс», – ответил в голове Цезарь. Никак не привыкну, что он читает мои мысли.

«Я не читаю, – сообщил Цезарь. – Я... я думаю вместе с тобой. Участвую в процессе. Оп-па, смотри, что за figatta!»

И действительно – даже те машины, что еще не были выпилены нашим импульсом, внезапно замерли и повалились

на пол. Всякое движение в пещере прекратилось.

– Что случилось? – спросил Джинн. Я пожал плечами, но тут пол вздрогнул – раз, другой...

А затем появился Молчаливый Гигант – не Фредди, только его фича.

– Девочки, можно расслабиться, – сказал он, и вовремя – на Тень и Куинни страшно было смотреть, Королева вся посерела, даже губы, а Тень была похожа на свой никнейм – едва не прозрачная... Дария тут же бросилась к подругам, видимо, передавая им часть своей энергии, а Гигант обратился к нам:

– Так, народ, ничему не удивляемся, что бы ни увидели. Мы возвращаемся с трофеями.

Впрочем, я и без него это уже видел – из глубины пещеры на нас надвигалась какая-то sazzatta. Больше всего это было похоже на пятую модель «Кентавра», но, по всей видимости, помещений для экипажа внутри предусмотрено не было, поскольку Фредди и Бракиэль сидели на крыше этой хренотени, рядом с башенкой, в которой был установлен мощный спаренный лучемет.

– Домой с комфортом поедет, – крикнул Фредди, когда машина остановилась рядом с Цезарем. – Это все Бракиэль. Оказывается, он умеет укрощать такие штуковины.

Тень

Я чувствовала себя так, будто всю ночь носила тяжеленные мешки с песком. Все-таки становиться невидимой самой – это одно, а делать кого-то другого невидимым, особенно на расстоянии, совсем другое. Порой мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание, и появлялось предательское желание «отпустить», прекратить воздействие.

Но я держалась. В конце концов, там был мой Фредди, и если бы с ним что-нибудь случилось – я никогда бы себя не простила, никогда. Я забыла обо всем, даже, к своему стыду, о Льдинке с Олгой. Существовал только далекий Фредди и полог невидимости над ним, сотканный из моих жизненных сил.

Я даже не поняла, когда и как это закончилось. Очнулась я, прямо как в мечте, в объятиях Фредди. Рядом стояла побледневшая Дария – должно быть, ей тоже пришлось выложиться. А прямо перед нами возвышалось нечто огромное и пугающее. Я даже попятилась, но сильная и, одновременно, нежная рука Фредди остановила меня:

– Не бойся, этот зверь больше не кусается, – сказал он. – Бракиэль сумел его укротить.

– Без тебя у меня ничего не получилось бы, – ответил откуда-то сверху Бракиэль. – Народ, давайте выбираться отсюда. Во-первых, не ровен час – вторая волна подойдет, а во-

вторых...

Он умолк, но мы все знали, что «во-вторых», – Лыдинка, Ольга и ее отец пропали. А еще не стоит забывать – наша куратор исчезла вместе с ними, и если для нас это было не так важно, как судьба Лыдинки и Ольги, то Бракиэля с Леди Н. связывало нечто большее, чем отношения «учитель – ученик».

– Я коляску отрастил, – заявил Призрак. – Кто со мной?

– Мы с Тенью на трофее поедem, – сказал Фредди. Вообще-то, можно было и у меня спросить, но... честно говоря, я готова поехать даже верхом на черте, лишь бы с ним. – А вы вчетвером езжайте на Цезаре.

– Принято, – кивнул Призрак, и ребята стали загружаться на борт Цезаря. Куинни, хоть и выглядела не намного лучше, чем, должно быть, я сама, залезла на сиденье позади Призрака. Джинн и Дария уместились в коляске.

– А как мы... – спросила я, когда ребята уехали. Закончить вопрос я не успела, потому, что мы... взлетели! Нет, я знала, конечно, что Фредди – гений телекинеза, но вот так вот взмыть в воздух... это было потрясающе и так романтично.

– Мог бы не спешить, – заметил Бракиэль, что-то колдуя над портативной термен-клавиатурой в виде подковы, – уж не думаешь ты, что мы обратно будем ковылять со скоростью доисторического ящера?

Под нами что-то заурчало, защелкало... наклонившись

над бортом, я увидела, как лапы чудовища складываются под пузом, а само оно опускается ниже к полу... но при этом висит над ним на расстоянии метров полутора!

– Антиграв? – спросил Фредди. Бракиэль кивнул. – Как ты вообще с этой штукой управляешься? Вроде бы по механике у нас Призрак дока...

– Тут никаких сверхспособностей не надо, – сказал Бракиэль и улыбнулся. Улыбка у него была какая-то странная. Я бы сказала, печальная. – Смотри!

Он перевернул клавиатуру и показал мне нанесенную снизу надпись. Слева был стандартный кью-ар. По центру выделялась эмблема в виде усеченной пирамиды с треугольником и глазом внутри него. Кажется, этот знак ставился когда-то на американской наличности, бумажных долларах, бывших в обиходе до моего рождения.

Слева размещалась надпись на иврите. Иврит я не знала, но, видимо, магия Леди Н. на надписи тоже распространялась.

«Комплекс автономного оружия «Ковчег», – гласила надпись. – Произведен государственной оружейной компанией «Израэль Милитари Индастриз» по заказу Трансатлантической Службы безопасности».

– Никогда о таком не слышал, – задумчиво сказал Фредди.

– Думаю, теперь мы знаем, как называется организация неоконгов, – ответил Бракиэль.

Дария

Я попросила Джинна отвести меня в мой бокс. Мы с девочками немного привели свои боксы в порядок, впрочем, как и остальные наши «комнаты». Теперь бокс можно было даже назвать уютным – на полу лежал ковер, у одной из стен стоял электрокамин – иногда здесь было прохладно, а я в домашней обстановке предпочитаю обходиться без комбинезона Проекта.

В боксе я тут же схватила фигурку Ольги – это моя особенность: создавать куклы, связанные с людьми, – и потянулась к ней. И тут же отшатнулась – такого я еще не испытывала. Меня словно пронзил ток высокого напряжения. Я отставила фигурку девушки и взяла статуэтку ее отца – то же самое, но на этот раз разряд был не так силен. Черт... мне не хотелось верить, что они мертвы, но что еще это могло означать?

Фигурки Льдинки у меня не обнаружилось, и я уже потянулась за восковым шаром (кстати, не так давно я узнала, что воск в Проекте – синтетический... какая разница? По свойствам он не отличался от настоящего), но меня остановил Джинн.

– У тебя дрожат пальцы, – сказал он. – Тебе надо отдохнуть.

– Не время отдыхать! – отрезала я. – Надо узнать, что с Льдинкой!

– Допустим, ты узнаешь. Что от этого изменится?

– Может, она ранена! Может, ей нужна помощь!

– С ней Леди Н., – сказал Джинн. – Если она не поможет, то никто не сделает этого.

– Ты в это веришь?! – выпалила я. Он отрицательно покачал головой:

– Нет. Но что нам остается? Ты не сможешь сейчас сделать ее фигуру. Я не уверен даже, сможешь ли ты с ней связаться!

– Почему она не взяла с собой мою фигурку? – Я почувствовала, что плачу. – Мою, твою, чью угодно...

– Если бы мы вчера были такими умными, как наши родители сегодня, – Джинн обнял меня, его губы коснулись моей щеки, очень нежно. – Тебе нужно отдохнуть. Давай я отнесу тебя в комнату...

– Нет, – я покачала головой. – Давай ляжем здесь. Ты ведь побудешь со мной, пока мы не заснем?

– Конечно, – ответил он, и в его голосе послышалось волнение. Я, хоть и чувствовала себя выжатой тряпкой, улыбнулась...

– Тогда помоги мне снять комбинезон, – тихо попросила я, наклоняясь к нему. – Я сама, боюсь, не справлюсь, и...

Я почувствовала, что краснею... Боже, я уж и не помню, когда смущалась последний раз! В том, что происходило, было что-то неправильное и вместе с тем абсолютно верное, именно то, что и должно произойти.

Не знаю, как объяснить...

Я положила руку ему на плечо и закончила:

– ...и целуй меня. Мне нравится, как меня касаются твои губы.

К счастью, ничего больше говорить не потребовалось – через минуту губы Джинна лишили меня этой возможности...

Бракиэль

Один Создатель знает, чего стоило мне все это время хранить спокойствие! Хотя какое там спокойствие, кого я хочу обмануть?! Я не был спокоен ни минуты. Но мой отец, среди прочего, научил меня одной прописной истине: в кризисной ситуации спешка – не лучший советчик. Надо сохранять холодную голову и ясное сознание, потому что без этого нельзя решить ни одной проблемы. И я спешил, но, как древние римляне, спешил медленно. Кляня себя в душе за медлительность, но сохраняя ясную голову.

Вести «Таннин» (так назывался аппарат, на котором мы путешествовали) оказалось довольно просто, может быть, из-за моих сверхспособностей, кто знает... В какой-то момент я почувствовал, что этот аппарат – живой, я слышал медленный, как и полагается таннину³, ток мыслей его кибернетического мозга и, мысленно потянувшись, коснулся его, словно пытаюсь приласкать дикую собаку. Получилось –

³ Таннин – морское библейское чудовище, в современном иврите этим словом обозначают крокодилов.

«таннин» потянулся ко мне, «обнюхал», и... признал. Дальше все пошло проще; мне больше не нужна была термен-клавиатура, теперь я мысленно общался с аппаратом, оказавшимся неуклюжим только внешне. Я не мог заставить его вырастить для меня кабину, как проделывал Призрак со своим Цезарем, но определенно этот стальной монстр меня понимал, и то слава Творцу.

Высадив Джинна с Дарией, я направился в ангар. Думал взять «Озириса» или «Анубиса» и направиться на поиски Нааме. Нааме, Надин, Леди Н. – эти имена принадлежат одной женщине, это она разыскала нас и привезла сюда, на базу. Я называл ее тем именем, под которым узнал, – Нааме. Как я планировал ее найти? Понятия не имею. В любом случае, это осталось лишь планами – ни одного АОИ в ангаре не было. Что ж, возможно, это означало то, что Апиствия с Лордом или Бараккой успели раньше меня. Но меня это все равно не устраивало: конечно, я был котенком по сравнению с этими тиграми, но я любил Нааме. А любовь, мне кажется, важнее всего остального.

И тут меня осенило – я же могу использовать как транспорт «Таннина»! Он вполне способен совершать атмосферные полеты. Конечно, в сравнении с АОИ он был как крокодил в сравнении с левиафаном, но у меня в распоряжении были плазменная турель и реактор, дающий достаточно энергии для автономных действий в течение двенадцати... десяти, с поправкой на климат, суток. Я попытался вылететь

немедленно, но мой новый железный друг запросил координаты места старта. Сначала я тупил, потом понял – конечно, на базе объявлена тревога, и кураторы активировали системы защиты, в том числе – глушилки систем навигации (а также связи и прочего). Правильно, но очень некстати.

Оставив «Таннина» в ангаре, я помчался на командный пункт базы. Я там ни разу не был, но где он находится, теоретически знал. Спустившись на лифте на самое «дно», я оказался в одном из «старых» помещений – огромном куполе, поделенном на секции. Тут меня ожидал неприятный сюрприз – доступ предоставлялся только по биометрике и, конечно, на меня настроен не был.

Как там говорит наш матерщинник Призрак? Висса di culo, если я ничего не путаю. Мне хотелось плакать, даже не так – выть. Чертова секретность, ни я, ни кто-либо из учеников не имели возможности связаться с кураторами, когда они того не хотели! И почему я не гений телекинеза, как наш Фредди?! Я мысленно представил себе командный пункт, в котором не был ни разу, – кольцообразный стол с системами управления, кресла, три из которых пустовали, а в четвертом сидел Баракка... я был зол, как тысяча азазелей, потому представил себе, что поднимаю Барраку из кресла, и...

...и тут в меня словно грузовик въехал – меня отшвырнуло по коридору метров на двадцать, прямо к лифту и спиной впечатало в дверь. Пока я вставал, скрежеща зубами от боли в спине и, простите, копчике, дверь, в которую я ломился,

открылась, словно приглашая меня внутрь. Я тут же помчался туда, опасаясь, что она вновь захлопнется. Пробежав мимо шести дверей, попарно расположенных внутри купола, я буквально влетел...

...в Центр Управления, который я только что себе представлял! Только сейчас он был наполнен светом – в центре помещения парила голограмма базы, по ней сновали какие-то световые пятна, части базы перемещались, я увидел ранее скрытые снегом орудийные башни, грозно уставившиеся в небо, увидел движущиеся по коридорам турионы⁴ и перекрывающие открытые ранее коридоры платей⁵...

– Еще раз попробуешь что-то такое проделать, я из тебя котлету сделаю, – пообещал Баракка. – Я для того вас учу телекинезу, чтобы вы, салаги, меня от работы отвлекали? Особенно сейчас.

– Мне нужно подключение к базовой навигационной системе! – выпалил я.

– А что еще тебе нужно? – зло ответил Баракка. – Может, звание Куратора или место Лорда? Не стесняйся, заказывай!

– Я должен найти Нааме! – Ненавижу себя, у меня в голосе прорезались панические нотки. – Она в опасности!!!

– Наа... а, понятно, – Баракка передвинул один из турио-

⁴ Турион – роботизированный комплекс охраны; подобен «Ковчегу», но имеет меньшую мобильность и большую огневую мощь.

⁵ Платей – мобильное закрытие, может быть оборудовано огневыми точками. Применяется, наряду с турионом, для охраны военных баз и важных объектов инфраструктуры.

нов в свободный пока туннель, – сядь, не мелькай. Да сядь уже, я сказал! – рывкнул он.

Я плюхнулся в кресло.

– С Надин все нормально, – сказал Баракка, не оборачиваясь. – Ну, то есть в пределах нормы. Их атаковал один из Ковчегов... может, два, теперь хрен поймешь, девочка в гневе страшна, как фурия. «Изиду» сбили, боюсь, отлетела пташка... но Надин отбилась. К сожалению, без потерь не обошлось.

У меня даже от сердца отлегло:

– Где она? – Я напрочь пропустил слова о потерях, главное, что с Нааме все в порядке... ну, хорошо, пусть не в порядке, но она жива! Даже если ее покалечило – я все отдам, чтобы...

– На «Левиафане», где ж еще, – отрезал Баракка. – Апиствия ее заштопала, и сейчас они вместе занимаются вашей Льдинкой. Девочке досталось – мама, не горюй, она ж не такая крепкая, как Надин, чтобы плазму голыми руками отбивать. Но Апиствия клянется, что доведет ее до ума. А вот от Ольги с отцом и памяти не осталось – похоже, испепелили их неоконы, морского ежа им в...

На миг я ощутил укол грусти – мне было жаль Олгу, хорошую и сильную девочку, жаль ее отца, которого мы все вместе вытащили из плена, выходит, на верную смерть. Мне даже Льдинку жаль было, хотя та ко мне, похоже, никаких добрых чувств не испытывала.

Но главное, что Нааме жива.

– Я должен лететь к ней! – заявил я. Баракка наконец оторвался от своего пространственного тетриса и скептически глянул на меня.

– Допустим, я даже дам тебе местную навигацию... конечно, я ее тебе не дам, приводной луч сразу же демаскирует базу, а это сейчас нам совсем ни к чему...

– Почему? – удивился я. Баракка вздохнул:

– Потому, что ты ничего не знаешь, Джон Сноу. Базу атаковали.

Я фыркнул:

– Cool story, bro...

– Нарываешься на штраф, чувак, – ответил Баракка. – Я тебе куратор, а не кореш из цепочки. Но хрен с тобой, отнесу это на пережитую тобой бэпэтэ⁶. Атаковали не только вас – все четыре группы в поле, и, как я сказал, «Изиду». Да и «Озирису» прилетело, но тут они зубы обломали – Лорд из них сделал форшмак с талым снегом, похоронил пару «Ковчегов» вместе с той телегой, на которой их всех привезли. Мы отбились, потеряв, правда, шестерых учеников... восьмерых, если считать Олгу с отцом. Леди Лед я не считаю, раз уж Апиствия сказала, что поставит ее на ноги, значит, так оно и будет.

Ах, бэпэтэ...

– Так с чего тогда весь хипеж? – спросил я, тыкая пальцем

⁶ Бэпэтэ (БПТ) – боевая психологическая травма.

в один из турионов. Тот послушно пополз по коридору вслед за моим пальцем, но Баракка тут же шлепнул меня по руке и жестом вернул дрона на место:

– Поставь, где взял, стратег хренов. Хипеж оттого, что мы думаем, что вся эта атака – только разведка боем. Такое уже было...

– Где? – заинтересовался я. – Когда?

– Не твое со... – Баракка не закончил свою недвусмысленную фразу и продолжил: – Не имеет значения. Было, и все тут. У Проекта длинная история. В общем, я думаю, Лорд эвакуирует базу, а пока велено закупорить все дырки, развернуть системы обороны и делать вид, что мы местные пингвины, усек?

– То есть никакой навигационной привязки? – спросил я. Баракка кивнул. – А если я взлечу... без нее?

– На чем, на метле? – уточнил Баракка.

– На «Таннине», – сказал я. – Я... мы с ребятами захватили один «Таннин», и, по ходу, я его приручил.

Баракка хрюкнул:

– Чувак, ты на этом крокодиле на орбиту собрался, что ли? Крокодилы низко летают, даже в военное время.

– Вы не понимаете! – я чувствовал, что у меня на глаза наворачиваются слезы. – Мне надо быть рядом с ней! Вы говорите, что она ранена, может, ей плохо...

Баракка окончательно развернулся ко мне:

– Надин плохо? Малыш, сердце нашей Леди Н. выковано

из оружейной стали. Ты зря так на нее запал, чувак, у нее тысяча лиц, тысяча имен...

– Тысяча мужчин, – продолжил я. – Да хоть миллион. Пусть я буду одним из миллиона. Пусть я... пусть мне достанется одна миллионная от ее чувства...

– Если достанется, – перебил меня Баракка. – Да хрен с тобой, юный Скайуокер, лети хоть к черту на рога. На кой вы только сдались Лорду, не пойму, от вас же одни проблемы. Лети, чтоб глаза мои тебя не видели!

– Спасибо, сэр, – поблагодарил я. Мне действительно хотелось плакать. Сердце из стали... Баракка знал Надин больше, чем я знал белый свет, и, конечно, на чем-то основывал свои выводы. Но, когда я обнимал Надин, когда смотрел в ее глаза, я не замечал там блеска металла. В другое время – да, но не тогда, когда мы были вместе. Со мной она становилась другой. Меня все убеждали, что это – маска...

Да откуда они знают?! У Нааме тысяча лиц и тысяча имен – может быть, она никогда не показывала им своего настоящего лица и не говорила настоящего имени?

...очнулся я у дверей лифта. Решение отправиться на орбиту только окрепло. Я не думал о том, как смогу это сделать, с учетом того, что «Таннин» не приспособлен для орбитального полета, более того, в нем даже нет места для пассажира.

Я нажал сенсорную панель. Дверь лифта тотчас же открылась – и я увидел себя.

В лифте стоял Бракиэль, Элиаху Гольдблюм. Только он

был обнажен, и кожа его оказалась черна, как космос за панорамными окнами «Левиафана».

Джинн

Ночь неизменно собою сменяет день,
Там, где есть свет, – непременно проляжет тень,
За наслаждением часто приходит боль,
Вечные сестры-близняшки: смерть и любовь.
Но рук не опускай и не подымай,
Если пришел октябрь – скоро настанет май,
Если есть тень – значит, светит, как прежде, свет,
Если темна ночь, то, значит, скоро рассвет...⁷

О том, что произошло, я узнал лишь на следующее утро после бессонной ночи, сладкой, словно райский нектар. Мы с Дарией были так счастливы в эту ночь... первая близость, наполненная нежностью до краев, у нее не оказалось ничего общего с тем, что я видел в фильмах определенного свойства, ничего общего с тем, что у меня было до того с другими девочками, но, факн'шит, ничего лучше этого я не знал. В какой-то момент мы словно слились, словно стали единым целым, нас не разделяло ничего, и больше не стало Джинна и Дарии, не стало Поля МакДи и Адрастеи Филиппуссис.

⁷ Стихи Алекса Вурхисса.

Было какое-то новое существо, я и она одновременно. И нам так не хотелось разделяться, не хотелось становиться сами-ми собою...

Но ни ночь, ни день не могут быть вечными. Заканчивается даже полярная ночь, чтобы смениться не менее долгим полярным днем, и наоборот. И эта ночь закончилась тоже...

Купер деликатно откашлялся:

– Прошу прощения, что прерываю ваше уединение, но к вам посетитель.

Дария тут же стала натягивать на себя комбинезон. Я медлил:

– Кто?

– Бракиэль, – ответил Купер. – В принципе, он может не заходить, но велел вам передать, что через час у цепочки сбор в Зале Собраний.

– Хорошо, – откликнулся я. – Передай ему, что мы будем.

– Принято, – сказал Купер. Дария прильнула ко мне:

– Джинн... мне страшно.

Я понимал, почему. Мне тоже было страшно. Вчера мы фактически бежали от того, что произошло. Мы не знали, что со Лыдинкой, с Ольгой, с ее отцом. Или знали? Может быть, наоборот, мы слишком хорошо знали это и потому бежали?

Странно даже представить, что их больше нет. Странно и страшно.

Я обнял Дарию:

– Не надо бояться, – я понимал, как глупо это звучит, но ничего другого просто не мог сказать. – Давай не будем бояться, хорошо?

– Я попробую, – вздохнула она. – Но мне все равно страшно.

Она подошла к стене и коснулась ее. Стена стала зеркальной.

– Мне надо привести себя в порядок, – произнесла девушка. Я отвернулся, но она, заметив это, добавила: – Можешь не отворачиваться. Между нами больше нет тайн, тебе не кажется?

Я кивнул, с удивлением понимая, что она права. Да, мы разомкнули объятия, но по-прежнему оставались одним целым...

* * *

Призрак уже был в Зале, когда туда пришли мы с Дарией: – Где вас носит? – спросил он без своего привычного *she cazza*. – Если бы не моя фича, я бы глаз не сомкнул от волнения. Тут такое творится!

– А ты поспал? – спросил я.

– Хрен там, – ответил Призрак. – Прикорнул на пару часов. Мы с Куинни всю ночь пытались понять, что, *cazzarolla*, творится. Да еще и вы все пропали...

– И что вам удалось узнать? – спросил я. Тем временем на

горизонте появилась Куинни, а вот Фредди с Тенью не было.

– Во-первых, на базу напали, причем не только на нашу группу, – принялся перечислять Призрак. – Атаковали с разных сторон, шесть участников Проекта погибли.

– Из разных групп, – добавила Куинни.

– А про наших что-то узнали? – нетерпеливо спросила Дария. Куинни смущенно потупилась, а Призрак сказал:

– По обычным каналам почти ничего. Говорят, «Изида» сбита, но ничего больше этого сказать не могу. Может, Бракиэль что-то знает, но...

– Я пыталась с ним связаться, – сказала Куинни, – через фичу, но не смогла.

– Плохо, – кивнул я. – Он нам сообщил об общем сборе, но мы так его и не расспросили, – я почувствовал, что краснею, и попытался отвлечь от этого внимание. – А где Фредди с Тенью?

– Здесь, – ответил Фредди (никто из нас не заметил, как они подошли... интересно, почему?). Тень стояла рядом и выглядела чуть лучше, чем вчера, если не считать синяка на шее. Интересно, где ее так приложило? – Но у нас тоже ничего нового, Бракиэль нас разбудил, но мы сами с ним, кхм, не говорили.

Я бросил на Фредди понимающий взгляд и наткнулся на такой же с его стороны. Мы синхронно отвели глаза. Тень кашлянула, как мне показалось, смущенно.

– Какие вы нелюбопытные, cazzarolla, – раздраженно ска-

зал Призрак. – Остается ждать Бракиэля...

– Или поверить мне, – добавила Куинни.

– Ты сама себе не веришь, – возразил Призрак.

– О чем это вы? – спросил я. Призрак и Королева переглянулись.

– Ну, говори уже, колдуй, баба, колдуй, дед, – буркнул Призрак. Куинни отвесила ему затрещину.

– В общем, – сказала она, – я с недавних пор стала интересоваться магией. У нас в Родезии многие верят в... в общем, у шаманов работы всегда хватает, даже в деловом центре. Я раньше считала все это туфтой на постном масле, но девочки не дадут соврать – мои песни, например, действительно помогают.

Тень и Дария почти синхронно кивнули.

– Вот, – продолжила Куинни. – Вчера я вспомнила об одной... практике. Я попросила...

Она опустила голову, и я понял, что, если бы ее кожа была белой, наверно, она покраснела бы:

– ...попросила Призрака мне помочь. С его помощью я отправилась по дороге-через-туман...

Я покосился на Призрака... *she cazza*... в смысле, мой дружок постарался потихоньку отойти в сторонку и при этом покраснел так, как я от этого бесстыжего кадра совершенно не ожидал. Что ж это за магия, интересно?

– Дорога-через-туман? – заинтересованно спросила Дария.

– Дорога душ, – пояснила Куинни. – По ней идут те, кто ушел из жизни. Живому нельзя заходить далеко по этой дороге, поскольку можно не вернуться, но те... кто только что распрощался с жизнью, – их можно встретить в самом начале.

– Представляю себе, сколько там народу, – задумчиво сказала Дария.

– Много, – ответила Куинни. – Я встретила там нескольких ребят из Проекта, из других цепочек. Двух парней, четырех девочек. Потом еще одного парня – он появился ниоткуда на моих глазах. Но ни Льдинки, ни Олги с отцом среди них не было.

– Да чушь это все! – перебил ее Призрак. – Куинни, мы просто выдаем желаемое за...

– Вчера погибли шесть человек. – Что за напасть? Ладно, Тень, исчезать – ее сверхспособность; хорошо, Фредди, но как к нам незамеченным подобрался Бракиэль? – И я вам больше скажу...

– Давайте, лучше я сам все скажу? – похоже, вселенная решила меня доконать, или я стал впадать в транс, не замечая этого... хотя, судя по удивлению на лицах всех, включая Бракиэля, появление Лорда Нахаша стало неожиданностью для всех.

Мы обернулись к Верховному Куратору. Он обвел нас взглядом и начал тихо и проникновенно:

– Я так гордился вами, ребята, когда вы притащили на ба-

зу несчастного Августа. Гордился – и по-прежнему горжусь. Будь я на вашем месте, я поступил бы так же. Более того, я поступил бы так же, даже если бы знал... все, что знаю. Поэтому не вините себя в том, что произошло.

– В чем? – спросил Призрак.

– Как вам уже известно, вчера базу атаковали силы неоконов. Сами себя они называют Трансатлантической Службой Безопасности. И это была только разведка боем. Основной удар последует через несколько дней, но к этому моменту нас здесь уже не будет.

Это была разведка боем, но она обошлась Проекту слишком дорого – девять жизней. А могла стоить еще дороже, если бы не самоотверженность Надин... и Апиистии. Начну, пожалуй, с хорошей новости – вскоре ваша цепочка сможет воссоединиться. Леди Лед выжила, но лишь благодаря тому, что ради нее Надин рискнула собой...

...Бракиэль издал какой-то утробный звук, похожий на всхлип...

– ...а Апиистия вовремя и профессионально оказала помощь. Сейчас Леди Лед на орбитальной базе в искусственной коме. Не буду скрывать – она сильно пострадала, но мы... и прежде всего вы – мы ей поможем.

Лорд сделал паузу. В зале было очень тихо, невероятно тихо. «Как на дне океана», – почему-то подумал я.

– Остальные новости, к сожалению, хорошими не назовешь. Погибли шесть участников Проекта, четыре девушки

и двое юношей. Еще один юноша сегодня покончил с собой. А еще... мне трудно говорить об этом, но мы потеряли Августа... и Олгу.

Я почувствовал, что Дария плачет, и обнял ее. Краем глаза я видел, что Тень уткнулась лицом в грудь Фредди. Честно говоря, я сам едва сдерживался – читать о смерти, даже видеть ее по головизору – одно, а когда умирает кто-то, кого хорошо знал... я вспоминал, как Ольга старалась стать такой же, как мы... у нее получилось. Почти получилось. Почти.

Я отвернулся, чтобы никто не видел моих слез, и встретился взглядом с Призраком. Его глаза предательски блестя... а еще – он обнимал Куинни, хотя они вроде любили друг друга примерно как демократы и республиканцы у меня на родине.

– Я не хочу, чтобы вы винили себя, – продолжал Лорд, – но не могу и скрывать от вас правду. Нас атаковали потому, что вы спасли Августа. Мне гадко даже думать об этом, но я давно знаю, что на неоконов работают ренегаты из числа детей R, к которым принадлежите вы все. Я знаю, кто они, и пытался до них достучаться – но им капитально промыли мозги. К сожалению, не вымыв при этом сверхспособностей.

Лорд скрипнул зубами. А у него, оказывается, тоже бывают эмоции!

– Они выследили вас и навели на базу разведчика с «Ковчегами». Когда они поймут, что мы отбились, то ударят всеми силами. Готовьтесь к эвакуации.

– Мы летим на «Левиафан»? – спросил Бракиэль, как мне показалось, с нетерпением. Я даже почувствовал раздражение, но подавил его в себе, вспомнив, как вчера он сражался.

– Нет, – ответил Лорд Нахаш. – Нет, Бракиэль, пока не туда. Мы уходим на дно. Во всех смыслах этого слова.

Клуб любителей машин, больших и маленьких

Фредди

Об этом Лорд объявил уже на общем занятии. Оно же похороны – на сцене стояло семь закрытых гробов, похожих на ящики для оборудования. Не удивлюсь, если в прошлой жизни они и были ящиками для оборудования.

– База эвакуируется, – заявил он. – Как только погребете своих товарищей, начинайте собираться. Общий сбор к шестнадцати на нижнем ярусе центрального корпуса. Сенсорные двери будут перепрограммированы. Те, у кого есть собственный транспорт, соберитесь в ангаре к пятнадцати тридцати. Вещи с собой брать только те, что имеют отношение к вашим сверхспособностям, – подводная база укомплектована не хуже арктической, все необходимое получите на месте. Занятия на сегодня, естественно, отменяются.

Расходились мы с тяжелым сердцем. Я думал о том, что сказал Лорд. Он, конечно, как мог, смягчил удар, но невозможно было совсем скрыть неприглядную правду – именно мы виноваты в том, что произошло. И семь гробов, которые унесли другие участники этого Проекта, – это тоже наша ви-

на.

Я даже не заметил, как меня догнала Тень, лишь машинально поглаживал ее пальцы. Вчера... произошедшее сблизило нас. Та невидимая преграда, что отделяла нас, рухнула под напором пережитого, под натиском тревог и страха. В этот момент мы поняли, как нужны друг другу, и не стали этому противиться.

Условности и церемониалы, может, уместны в большом мире, но в Проекте они совершенно ни к чему. Все оказалось куда проще, если не забивать себе голову разными ничего не стоящими вещами. Мы были словно Адам и Ева – единственные люди на огромной, пустынной земле. И то, что случилось дальше, оказалось закономерным, как восход солнца или наступление ночи.

– Я ему не верю, – наконец тихо сказала Тень. Я взглянул на нее:

– Кому?

– Лорду, конечно, – ответила Тень. – То есть формально он прав, но тебе не кажется, что кураторы могли бы предупредить нас о том, что...

– А если бы предупредили, мы что, отказались бы? – спросил я. – Я – нет...

– Мы действовали бы осторожнее, – вздохнула Тень. – И мы оказались бы готовы к возможному ответу наших...

– Стоп. Начнем с того, что между спасением Августа и атакой прошли целые сутки. За это время можно было под-

готовить базу к обороне.

– Точно! – воодушевилась Тень. – Они клювом щелкали, а теперь Лорд говорит, что мы во всем виноваты.

Я пожал плечами:

– Знаешь, я все равно чувствую себя виноватым. Даже без Лорда. Просто мы – не дети, мы взрослые, а взрослая жизнь – она именно такая. В ней приходится делать выбор, и любой выбор приносит что-то хорошее и что-то плохое.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Читал, слушал, анализировал, – ответил я. – Знаешь, мне, наверно, легче, чем другим. Я с детства жил с... даже не знаю, как сказать. С обреченными, с детьми-инвалидами, с теми, кто никогда не сможет сделать выбор самостоятельно. Я видел людей, потерявших близких, видел приговоренных к смерти неизлечимой болезнью...

Я рассказал ей про брата Бартоломею с его лейкемией, про потерявшего семью Августина – людей, рядом с которыми прошли мои детство и юность, – и, как ни странно, это ее немного успокоило.

– Это страшно, – сказала Тень, прижимаясь ко мне. – В каком аду ты жил раньше!

– Всего лишь в монастырском приюте, – улыбнулся я, – *ora et labora*.

Пользуясь тем, что мы немного отстали от основной массы участников Проекта, Тень остановила меня, и, приподнявшись на цыпочки, легонько поцеловала в щеку:

– Я бы там, наверно, с ума сошла! – призналась она. – Я тяготилась своей жизнью, но моя клетка хотя бы была золотой, а твоя... а главное, за что? Ты ведь ничего плохого не сделал, чтобы жить в таких нечеловеческих условиях.

– Если верить Лорду, мое преступление заключается в том, что я родился не таким, как другие, – сказал я с улыбкой. – Люди не любят непохожих, ты не замечала?

Она кивнула, а затем добавила:

– Этот Ройзельман, по-моему, был настоящим чудовищем. Пусть он и вложил в нас сверхспособности. Нам еще повезло, что мы выжили, а остальные? Те младенцы, которых уничтожили, та девочка из голофильма...

Я пожал плечами:

– В мире ежедневно убивают и калечат тысячи людей. И по причинам куда более прозаическим. И детей среди них тоже немало. Страдания детей R – лишь капля в море человеческой несправедливости.

Она уткнулась лицом мне в грудь (точнее, в район диафрагмы):

– Мне всегда хотелось бежать, – призналась девушка. – Однажды я бежала, и это мне удалось, что убежала, но мир вновь меня настиг. И вот я опять бегу.

– Мы бежим, – ответил я. – Тень, случиться может что угодно, но я буду с тобой, пока я жив. Ты никогда не останешься больше одна. И может, мы найдем место, откуда уже не потребуется бежать?

– Кто знает, – она вздохнула. – Но давай будем надеяться.
Я кивнул.

Призрак

Фредди урулил с Тенью, Джинн пошел помогать Дарие собирать ее кукол, куда уперся Бракиэль, я не знал и не особо хотел... я остался в гордом одиночестве и, конечно, направился в сторону своего бокса. Я так понял, что распоряжение насчет транспортных средств меня с Цезарем касается в первую очередь – *che cazzo*, он, хоть и стал моей фичей, по-прежнему был мотоциклом, а в девичестве – вообще mopедом. Я мог его «призвать» к себе, но на это надо тратить энергию, чего я не хотел – *quo cazzo*, когда она может понадобиться, с учетом того, что, судя по всему, в этой *bucca di culo* в любой момент может разгореться маленькая «буря в арктической пустыне».

Надо было напечатать себе что-то посолиднее «беретт». И вообще, когда Джинн ненадолго отлипнет от своей Дарии, стоит раскрутить его на то, чтобы собрать полноценный луче-мет вроде того, что у этого *stronzo* Бракиэля.

Размышляя над этим, я чуть не врезался в нашу Куинни. *Che cazzo*, все время про нее забываю. Хотя я к ней присмотрелся и заметил, что девочка она очень даже ничего. И не потому, что на безрыбье и таракан креветка, а, как выражается мой друг Фредди, объективно.

– Ты что тут делаешь? – спросил я удивленно. – Что-то случилось?

– За исключением того бардака, в котором мы со вчерашнего дня по макушку, ровным счетом ничего, – ответила она. – Мне скучно. Девочки с ребятами, а я одна, как акация на островке посреди Замбези.

– А Бракиэль? – спросил я.

– Скажешь еще, – фыркнула она. – Наш застенчивый су-пермен ждет не дождется, когда его пустят к его дражайшей Нтомби. И потом, я с ним лишь пару раз общалась. В отличие от тебя.

– Я с ним общался и того реже, – ответил я, чувствуя, что краснею. Прошлую ночь мы провели с Куинни за одним... кхм, очень интересным занятием.

Дело в том, что наша Королева с некоторых пор очень серьезно относится ко всяким там колдунствам своих предков. И, *che cazza*, нельзя сказать, что в этом совсем нет никакого смысла. Например, ее песни очень помогают, когда используешь сверхспособности. Так что над чудачествами Куинни мы не смеемся. Ну, так, самую малость, *cazzarolla*.

Тем не менее за помощью Куинни обратилась именно ко мне. Правда, не потому, что я такой *cazzatta stronzo*, а потому, что девочки были заняты с ребятами (и вымотаны дневными испытаниями). Я один оказался свободен и даже сохранил немного энергии...

Кстати, вся эта терминология у нас от кураторов, ясный

перец. От них мы узнали, что у каждого из нас есть определенный запас «нервной энергии» – типа, мы ходячие электростанции. Нам мало что рассказывали о природе этой хренотени, но опытным путем я выяснил интересную деталь – чем больше человек переживает всяких эмоций, тем больше у него накапливается этой самой энергии. И один хрен, что это будут за эмоции, плачешь ты там или ржешь, как не в себе, держишь внутри или выпускаешь наружу – без разницы. Например, я очень эмоциональный, как говорят, «южный темперамент», а Фредди спокоен, как дохлый кирпич, а энергии у нас поровну – но побольше, чем у остальных. Видимо, Фредди тоже по-своему эмоциональный, *che cazzo...*

Так вот, Куинни заявилась ко мне в бокс, где я наводил марафет Цезарю (оружие любит ласку, чистку и смазку, а все остальное – херня; так говорил синьор Валанцаска, а он был умнее меня), и с порога заявила:

– Хочу попробовать одну штуку, поможешь?

– Если наркоту, то я пас, – ответил я, тряпочкой протирая грязеотбойник на переднем колесе; грязи на базе было примерно столько же, сколько влаги на раскаленной сковородке, но порядок есть порядок. – Дурью не балуюсь, видал, как от нее с катушек едут, *racco di merde*.

– Тьфу на тебя, дурак! – разозлилась Королева. – Я хочу узнать... про наших.

– А это дело святое, – сказал я, вставая. – Кого пытаться будем, Баракку?

– Какой-то ты чересчур веселый, – хмыкнула Куинни. – В данных обстоятельствах это просто пипец как не в тему.

– Я спешу посмеяться над всем, иначе мне пришлось бы заплакать, – ляпнул я. Куинни уставилась на меня так, будто я превратился в Лорда. – Так говорил дон Альфонсо, бугор из Палермо. Умный мужик, жаль, что сбиры приговорили его раньше болезни Альцгеймера. Так мы идем?

Куинни отвела меня в свой бокс... cazzarolla, по ходу, у нее эта магия всерьез и надолго. В центре бокса распластался коврик со сложным рисунком, по бокам лежали деревянные фигуры каких-то зверей. Справа и слева стояли треножники с вонючими углями, спереди и сзади – пара подсвечников. Дополняло все это богатство несколько глиняных сосудов и плошек.

– Короче, дружище, я собираюсь немного попутешествовать, не выходя за пределы этой комнаты, – сообщила Куинни. – Половина ингредиентов у меня синтетические, так что не факт, что получится.

– А говорила, что не будет наркоты, – скис я. – Ежу понятно, что, сидя на полу, уехать можно только с помощью веществ.

– Фичей клянусь, никаких наркотиков, – побожилась Королева. – Это магия, друг мой.

– Ага, колдуй, баба, колдуй, дед, – фыркнул я. – Ладно, развлекайся. Я-то чем могу помочь? Сразу скажу, дурь принимать не буду, несмотря на все твои клятвы.

– Смелый ты, как кролик в саванне, – в тон мне фыркнула Куинни. – Не раскисай, я тебя с собой не возьму. Мне нужен кто-то, скажем так, в этой реальности.

– Зачем? – спросил я.

– Я направляюсь туда, куда уходят все люди, рано или поздно, – ответила она. – С одной разницей – они оттуда не возвращаются, а я собираюсь вернуться. Ты будешь следить за моим пульсом. Когда его не станет...

– She cazza, ты в своем уме? – спросил я. – Когда у тебя не станет пульса, ты ж умрешь!

– Догадался, молодец, – кивнула Куинни. – Именно что. Так вот, когда я коней двину, засекай время. Ровно через пять минут уколешь мне в сердце вот этим, – она указала на иньектор, сиротливо приютившийся среди плошек с вонючей потусторонней дрянью. – Потом делаешь массаж сердца, как Апиствия учила, искусственное дыхание – если понадобится. Справишься, или поджилки трясутся?

Cazzarolla, а ведь мне действительно стало страшно! Вот в бою страшно не было, в этой африканской bucca di culo тоже, а сейчас – словно чья-то холодная рука сжала горло...

– Я-то не боюсь, – сказал я, – но, прости, по-моему, ты дура.

– Может быть, – неожиданно согласилась Куинни. – Но я просто не могу сидеть и ждать хрен пойми чего, понимаешь? Если ты откажешься, то я сама...

– Я тебе дам «сама»! Тоже мне... когда начинаем?

– Мне надо пару минут на подготовку, – она огляделась. – Поможешь мне? Э, чего это с тобой?

Я и правда малость прифигел, да и было от чего – обращаясь ко мне, Куинни проворно раздевалась, и вскоре стояла передо мной, одетая исключительно в воздух. Cazzatta, se bella ficca, а фигурка-то у нее ничего... ничего себе, вау...

– В смысле,можешь? – спросил я, стараясь не показывать офигения, но, должно быть, у меня получалось паршиво. – Я ж сказал, что помогу.

– Видишь плошку? – она указала на довольно большую тарелку с каким-то *merde*. От тарелки воняло гнилой рыбой. – Можешь меня намазать? А я пока волосами займусь.

Охренеть – не встать. Я запустил руку в плошку, взял горсть этой дряни и положил ей на плечо, после чего стал растирать.

– Такое впечатление, что ты боишься продавить меня, – прокомментировала Куинни, выливая себе на голову нечто, пахнущее оливковым маслом, розой и базиликом. – Можешь тереть сильнее, я не фарфоровая.

Я пожал плечами и стал натирать – плечи, руки, шею, спину...

– Лицо тоже, – Куинни закрыла глаза, ее губы приоткрылись. – Кроме губ. Там я сама. И кстати, мне кажется, или ты боишься продолжения?

– Боюсь, ага, – сказал я. – Примерно как карабинер грудного младенца. Знаешь, скольких я девочек перелапал?

– Не знаю, – хихикнула Куинни, – но, если судить по тому, как ты...

Я схватил горсть снадобья и положил ей на грудь, слегка сжав ее.

– Ладно, беру свои слова обратно... пока, – улыбнулась Куинни, а я почувствовал, что она задышала глубже. С мстительной улыбкой я продолжил свое занятие, не останавливаясь даже там, где, по идее, следовало остановиться. Меня поразило, какая нежная на ощупь кожа Куинни. Просто касаться ее было уже приятно, хрен с чем сравнишь. Например, как картины в Пинакотеке – я вот в живописи разбираюсь от слова никак, а все равно дух захватывает. Недаром же говорили, что старые мастера знали с косолапым рогаком...

Тело Куинни тоже было произведением искусства, причем искусства, превосходящего возможности человека. Казалось бы – чему там удивляться, будто первый раз голую женщину мацал, а, поди ж ты, чувствовал я себя... *che cazzo*, у меня не хватает красивых слов, я не такой в этом деле прокачанный, как некоторые вроде Джинна.

Короче, пока я все это делал, Королева прилегла на коврик меж треножников, подсвечник с белыми свечами в голове, с черными, соответственно, в ногах; о последний я едва не обжегся, пока намазывал ей ступни. Она тем временем взяла еще какую-то скляночку с явным запахом нашатыря или аммиака и сказала мне:

– Положи руку на бедро, найди там вену и слушай. На ру-

ке пульс быстрее затухнет, на бедре лучше прощупывается. Когда стихнет – включай секундомер. Планшет у тебя с собой?

– С собой, – кивнул я. Я свой планшет с собой теперь постоянно таскаю, научился, cazzarolla, у Джинна. В общем, махнула она эту скляночку и не поморщилась – и как только можно такую гадость пить? Я руку ей на бедро с внутренней стороны положил... she cazza, как тут, спрашивается, за таймером следить? Кожа ее ту мазь, что я втирал, совсем впитала и опять стала нежной, как сама нежность. У меня у самого такой пульс был – на нас двоих хватило бы...

А пульс Куинни тем временем действительно стал затихать, пока совсем не угас. Я таймер запустил и жду. Каюсь, секунд тридцать не додержал – мне страшно стало. И так черте что происходит, мне даже показалось, что она холодеть начала. Схватил иньектор, всадил иглу, где она показала, и опять руку ей между ног.

Madre de Dio, нет пульса! Я испугался так, как никогда не боялся, но, grazie de Madonna, я когда боюсь, то как-то мобилизуюсь. Сразу уроки porca bogascia Апиистии вспомнил, и непрямой массаж сердца, и искусственное дыхание...

В общем, попустило меня лишь тогда, когда я ее язык своим почувствовал, ну, то есть... ну, понятно, как. У нее еще глаза закрыты были, а губы и язык отреагировали. Я руку ей на бедро положил, чувствую – есть пульс, ровный, хороший, такой славный, cazza di diablo...

– Руки убери, – сказала Куинни и села. Вот напасть... хрена с два бы я какую другую девочку послушал, а тут убрал, хоть и с неохотой. – И отвернись, я оденусь.

Mama mia cosa nostra! И как это понимать?

– Ну, и что тебе пригрезилось? – спросил я, отвернувшись.

– Живы они, – ответила Куинни. – Нет их среди мертвых. Видела шестерых ребят из Проекта. То есть семерых. Но ни Льдинки, ни Ольги с отцом, ни Нтомбе не было. Живы они.

* * *

– А ты будто и не рад мне, – заявила Куинни, заходя в мой бокс так, словно я ее туда приглашал. – Вчера ты был на порядок приветливее. Что, поматросил и бросил?

– Neanche cazza, – ответил я. – У нас на Сицилии так не делают. Только между нами ничего такого не было, знаешь ли. За ножку я половину Палермо держал.

– Включая старух и маленьких девочек? – подколола меня Куинни. – Или там и мальчики были?

– Che cazza, укороти язык, женщина! – возмутился я.

– Женщина? – Куинни уселась в позу лотоса на полу, в той его части, куда я сдвинул половичок. – Вчера вроде девочкой была. Я что-то пропустила, когда была немного неживой?

– Ты меня специально доводишь? – поинтересовался я. – Если бы я тебя не знал, я бы решил, что ты со мной заигры-

ваешь, но...

Куинни медленно встала и подошла ко мне:

— А с чего ты взял, что меня знаешь? — спросила она, глядя мне в глаза. — Может, то, как ты меня представляешь себе, и настоящая я — совсем разные люди?

Cazzarolla, не успел я глазом моргнуть, как эта фурия схватила меня за плечи и буквально впилась мне в губы! *Che culo*, ни фига себе...

Куинни

Скажу начистоту, хоть и непросто в этом признаться — я влюбилась. И, разрази меня весь кафрский пантеон, в того, в кого не ожидала.

Начнем с того, что я вообще не гадала себе такой напасти. К любви я относилась крайне скептически, в основном благодаря «сестрам», внезапно «влюбившимся» в тех мужей, коих им сосватал мой ушлый папашка. В моем понимании, любовь была одной из многочисленных форм человеческого обмана и самообмана, прикрывающего неприглядную сермяжную правду, — люди сходятся в поисках стабильности и защищенности, не более того. Цинично? Да я по цинизму нашей Льдинке еще фору дам... ой, наверно, нельзя так о ней сейчас. Хотя, мне кажется, она не придиралась бы... наверно.

Ладно, лукавить не буду — иногда я мечтала о любви или

по крайней мере представляла себе, как это, когда тебе кто-то дорог. Мне никто не был дорог, я никого не любила – да кого мне любить – папашу? Толпу его жен? Так называемых сестер? Кого?

Я представляла, каким может быть человек, которого я полюблю, и делала это необычным способом – брала какого-то персонажа головидео, по которому сохли мои сверстницы, и начинала убирать то, что мне в нем не нравилось. До тех пор, пока не оставалась совершенно неживая и безликая фигура. Потом я сама для себя решила, что просто не создана для любви, и махнула на это рукой. Я сама себе муж, жена, лучший друг...

А потом все изменилось. И итогом этих перемен стало то, что (после спасения Августа) я проснулась в слезах и поняла – она-таки пришла, та, кого я не звала и не ждала – Любовь. Она была похожа на мою фичу – пиковая дама со старой колоды карт нахального итальяшки. По иронии судьбы, мой избранник оказался выходцем из того же народа.

Я думала о роке, о том, что еще до того, как сама призналась себе в том, что случилось, чуткая «корона» Апиистии прописала нашу с Микеле (Призрак? Neanche cazza! Да-да, с недавних пор я матерюсь на его языке) судьбу на наших спинах. И что его фича не имела лица до того, как...

– Чет ты последнее время какая-то задумчивая, подруга, – заметил Призрак. – Как будто из реальности выпадаешь. И на вопросы не отвечаешь.

– А что ты спросил? – действительно, за размышлениями я совсем не услышала его вопроса.

– Я спросил, тебе собираться-то не надо? Я так понимаю, у тебя барахлишка поднакопилось – плошки, треножники...

– ...собраны со вчерашнего дня, – ответила я. – Но есть одна проблема. Видишь ли, кореш, у меня вышло два баула, к тому же тяжеловатых. Ты не подкинешь меня, по старой дружбе, вместе с вещами?

– Куда подкину? – спросил он. – Нам велено быть в ангаре за полчаса до...

– Так в ангар и подкинь, – я нагло уселась на рабочий стол с тисками и каким-то инструментом. – Не думаю, что кто-то станет возражать, если я составлю тебе компанию. Кажется, основной принцип кураторов – who cares?

– Апистии расскажи, – буркнул Призрак. – Тебе повезло, что у меня не так уж много вещей, кроме этого обалдуя...

– Я, между прочим, самая лучшая часть твоей личности, – заметил Цезарь, материализуясь в виде пылающего скелета байкера. – И если я обалдуй, то ты просто merdozo...

– Ты слова-то выбирай, sacare stronzo! – вспыхнул Призрак. – А то я тебе такой ремонт устрою... или покрашу желтым в оранжевый горошек!

– И станешь ездить на таком позорище? – усмехнулся призрак Цезаря. – Ладно, не буду мешать, голубки, но если кого-то интересует мое мнение...

– Засунь свое мнение себе в выхлопную трубу! – посоветовал

товал Призрак.

– То я только за, – ответил Цезарь и растворился, оставив после себя запах серы.

– Никак не пойму, чем он воняет, – пожал плечами Призрак, – вроде ничего не горит, а явно серой затянуло, чувствуешь?

Я кивнула:

– Я как-то читала историю про одного засранца, который изобрел то ли прибор, то ли химию какую, благодаря которой у людей начинали материализоваться страхи. Ну, то есть, если ты боишься, скажем, змей, то умрешь от укуса змеи... хотя никакой змеи поблизости не будет.

– Похоже на сверхспособность Льдинки, – сказал Призрак и посмурнел. – Не знаешь, как там она?

Я отрицательно покачала головой:

– Нет. Я погадала на нее большим таро, вышло, что она между дьяволом и смертью, – тот еще расклад, но закончится все любовниками.

– She cazza, какими еще любовниками? – не понял Призрак. – У нее там любовники будут, в лазарете, или я не понял?

– Любовники – одна из карт таро, – вздохнула я. – Символ раздвоения, выбора, испытания, но у нее они легли прямо, значит, она пройдет его хорошо. В принципе, дьявол у нее вышел перевернутым, а смерть...

– Ну, я в эту муть не то, чтобы не верю, – почесал затылок

Призрак, – но особого значения не придаю. Хотя после того, как ты угадала число покойников...

– Ничего я не угадывала, – обиделась я. – Я их видела. Мне даже не по себе стало, когда их выносили.

– Я видел, как ты побледнела, – кивнул Призрак. – Ну, то есть... ну, ты поняла.

Он еще раз почесал тыковку, затем сказал:

– Ты на сиденье поедешь? Или в коляске?

– На сиденье, – ответила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Нет, все-таки темная кожа – это круто, а для картежника так и вообще. Мне нравилось ездить с Микеле, нравилось к нему прижиматься...

– О'кей, – кивнул он. – Ща я проверю, все ли я взял. Только это не даром, подруга, сечешь?

– Ишь, какой меркантильный, – я уперла руки в боки, думая, что за плату он требует. Скажу по секрету – я ожидала интимного предложения и...

...и была на него согласна:

– И что ж ты хочешь за свои услуги извозчика?

Микеле стоял ко мне спиной; лица его я не видела:

– Песню, – ответил он, не оборачиваясь. – Спой для меня, можешь?

– Могу даже станцевать, – сказала я, стараясь не разулыбаться. Боже! Всего-то песню.

– А ты умеешь? – спросил он, что-то забирая из шкафчиков у стены. – Я бы посмотрел...

В ангаре мы оказались раньше всех.

– Какие-то мы с тобой торопыги, – сказал Призрак, отводя мотоцикл к стене, на одно из обозначенных на полу ангара мест.

– Прийти раньше лучше, чем опоздать, – заметила я. – Насчет песни – давай, я спою тебе, когда на новое место прибудем, а?

Он уставился на меня, словно видел впервые:

– Bambina, ты чего? Я же шутил просто.

– Тебе что, не нравится, как я пою? – возмутилась я.

– Наоборот, – заверил Призрак, – очень нравится. Кхм, ну, раз ты настроена так решительно, тогда, может, и станцуешь... потом?

– Легко, – ответила я. – Я, конечно, не Тень и даже не Дария, но мой танец тебе понравится.

– Bambina, не думаю, что ты чем-то уступаешь сестричкам, – улыбнулся Призрак. – И пусть меня покарает святой Януарий, если я в этом соврал. А кожа у тебя... просто ни у кого такой нет.

– У тебя есть-то с кем сравнить? – поддела его я.

– Да у меня девок было больше, чем... – взвился он, потом вдруг осекся, – в смысле, достаточно, чтобы выводы делать.

В это время начали появляться ребята из других цепочек,

и мы, не сговариваясь, прикусили языки. Не хватало еще, чтобы нас слушал кто-то.

Бракиэль

Из нашей цепочки в ангаре оказались только Призрак с Королевой. Призрак уставился на меня так, будто я был его тезкой с маленькой буквы:

– *Che cazzo vuoi?*

– Я теперь тоже транспортом обзавелся, – ответил я, устанавливая мысленную связь с «Таннином»... надо ему какое-то имя придумать, что ли, а то как-то негоже. Мы же друг друга не зовем человеками, а у этой железяки мозгов, похоже, больше, чем у моего друга Призрака.

Который, кстати, хотел что-то сказать, да не успел – дело в том, что, пока Призрак включал соображалку, мой железный друг успел разложить свои лапы и ковылял к нам через зал, метя на пустое место слева от Призракова драндулета.

– *Cazzarolla*, – кажется, Призрак даже посмотрел на меня по-новому, – *se bella figatta!* Приручил-таки?

– Скорее установил дружеское взаимодействие, – ответил я. – У него кибермозг IV класса, такие проектировали для ИИ.

– Так программа ИИ вроде накрылась медным тазом? – уточнил Призрак. – Или я что-то путаю?

– Нет, не путаешь, – усмехнулся я, – но ты знаешь, по-

моему, программу рановато закрыли. Я пообщался в Швейцарии с одной випочкой...

– С той, что в головидео? – спросила Куинни. Я кивнул. Запись с дрона охраны, кружившего на стоянке, каким-то образом оказалась у кураторов, но Нааме спросила меня, не возражаю ли я против того, чтобы они использовали ее в фильме. Я не возражал. Кстати, Нааме сказала, что випочку отремонтировали. Я был этому рад, но сожалел, что не могу опять подкорректировать ее воспоминания.

Куинни осторожно коснулась моей руки:

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказала она, – но ведь у випочек защищать людей входит в программу, разве нет?

– Может быть, – ответил я. – Но есть нечто, чего в фильме не показали. Видишь ли, Норма... эта випочка, она пожаловалась мне на то, что ей причиняют боль воспоминания, и я... не знаю, что на меня нашло, но я помог ей от них избавиться. Может, это и программа, конечно, но мне показалось, что она переживала за свои ошибки по-настоящему, так же, как мы. Я видел это в ее голове...

– Да что там спорить, – вмешался Призрак. – Конечно, машины живые, Цезарь не даст соврать.

– Я знаю, – кивнула Куинни. – Я чувствовала это, когда общалась с игровыми автоматами, но чувствовать – это одно, а принять умом...

– По-моему, напрасно люди делят разум и чувства, – сказал Призрак. – Это как у монеты, есть аверс, есть реверс, но

одного без другого не бывает. Где есть аверс, там и реверс будет, cazzatta...

Он задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Слыш, Бракиэль... у нас с тобой общение было, скажем так, *come la raso di merde de cagna*... неправильное, короче. Я думал, что ты весь из себя такой...

Он бросил быстрый взгляд на свой мотоцикл, словно искал у него поддержки. Куинни взяла его за руку, как будто почувствовала, что ему эта поддержка нужна. А я подумал, что у них с Призраком, возможно, что-то намечается. Уж больно это невинное прикосновение было... непростым каким-то.

– Скажу честно, – Призрак посмотрел прямо мне в глаза, – наверно, все из-за Николь... в смысле...

– Нааме, – кивнул Бракиэль. – Ее зовут Надин, но я зову ее так, как она представилась мне. Призрак, я знаю, что... в общем, ты меня не удивил и не расстроил. И я тебя понимаю, как никто.

– Но сейчас все изменилось, – совершенно искренне сказал Призрак, – и теперь, знаешь, я только рад, что у тебя все получилось.

Я улыбнулся, может, немного горько. Призрак, наверно, думает, что у меня с Нааме все так же, как у него... с Куинни, полагаю. Не все, не так... но пусть думает. Я согласен думать так же, пока жизнь не убедит меня в правоте Барраки, но даже когда убедит – а я сердцем чувствовал, что это

произойдет, даже тогда мои чувства не изменятся. Тысяча имен, тысяча мужчин – мне так часто говорят об этом, что я уже как будто пережил ее измену. Как самурай из трактата Мусуаши, одной из настольных книг моего папаши, я уже умер, а мертвый смерти не боится...

– Я рад, Призрак, – я протянул ему руку. – Рад тому, что мы больше не враги. Надеюсь, мы сможем стать друзьями. У нас, оказывается, довольно много общего...

Пол дрогнул.

– ...например, нетерпеливые питомцы, – закончил я, обогриваясь к «Таннину». – Не думал, что ты переминаешься с ноги на ногу, дружок, но больше так не де...

– Это не он, – сказал Призрак, – посмотри туда!

Я развернулся к центру ангара и увидел, что пол его исчез, как исчезают шабанитовые стенки нашей базы. В образовавшемся отверстии на глубине нескольких метров плескалась вода, из которой поднимался черный веретенообразный предмет...

Призрак

– Сколько, говоришь, ей лет? – спросил я.

Мы втроем сидели в двухместной каюте этой громадины. Здоровенное горбатое чудовище, вынырнувшее посреди ангара, оказалось субмариной. Такой огромной, что, *che cazzo*, на ее палубе могли сыграть «Милан» с «Интером», *raso di*

merde! В этой figatta нашлось место для всех нас с нашей техникой, включая даже две уцелевшие АОИ.

– Судя по тому, что я здесь нарыл, выходит, около сотни, – ответил Джинн, пялясь в голограмму над своим планшетом. – Ее спустили то ли в тысяча девятьсот семьдесят шестом, то ли в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Она служила во флоте СССР, потом – России, потом ее списали и переоборудовали в корабль снабжения для подводных городов России в Северном Ледовитом океане. А еще с нее спутники запускали. В общем, ветеран из ветеранов, но, как видите, на ходу.

Он подпер кулаком подбородок и сказал:

– А еще, пипл, я понял одну шнягу относительно того, почему я не могу выйти в Интернет. И, факн’щит, это оказалось просто, как исходники виндовс. Но...

Он отвернулся:

– Но я должен проверить свою догадку, хм, и кое с кем посоветоваться. Короче, никто не станет возражать, если я урулю на неопределенное время?

Фредди фыркнул, я пожал плечами:

– Che cazzo, я тебе не папа с мамой. Ты уже взрослый, бро, можешь делать все, что вздумается.

– Так я пойду? – Джинн выключил планшет и встал. Мы с Фредди синхронно кивнули, и Фредди добавил:

– Иди-иди, ни пуха, ни пера.

– Иди ты, – бросил Джинн и быстро, словно боясь, что мы

его привяжем к койке, покинул каюту.

Фредди встал:

– Бро, я человек простой, загадки разгадывать не умею, в общем, скажу честно – когда мы загружались, Апиствия намекнула, что на этой «убийце городов» полным-полно свободных кают. А я привык намеки понимать. Думаю, ты тоже, и понимаешь, что я иду вовсе не для того, чтобы обсуждать с кем-то, почему нельзя выйти в Интернет с борта подводной лодки.

– По крайней мере, честно, – ответил я. – Ладно, иди, развлекайся, а я пока задрыхну. Шутки шутками, а спать человеку тоже надо.

Фредди ушел – теперь он ходил куда увереннее, чем раньше, – и я остался один. Che palle⁸, и чем заняться? Цезарь в багажном отделении с другими машинами Проекта, мастерской, как на базе, у меня нет – не смотреть же головидение? Или посмотреть чего-нибудь? Я включил планшет, полистал список доступных для скачивания фильмов, выключил планшет... ничего не хотелось, внутри образовалась какая-то bucca di culo, в которую ухнуло мое вечное неунывающее настроение.

Может, и правда поспать? Но спать, как на грех, не хотелось. Поискать, что ли, приключений на свою задницу? Я никогда не видел, как выглядит ядерный реактор, а он на этой консервной банке был.

⁸ Che palle – какая скука (*ит. жарг.*).

Я уже почти собрался отправиться на поиски младшего и пока по крайней мере здорового брата пресловутой Фукусимы, как в дверь тихонько постучали. И, *che cazzo*, я знал, кто, потому открыл без всякого вопроса.

– Джинн и Дария занимаются какими-то исследованиями в Сети, – сказала Куинни, заходя в каюту, – и, хоть они мне ничего не говорили, я поняла, что мое общество им немного в тягость. А поскольку Фредди и Тень решили прогуляться по лодке, насколько я понимаю, с целью найти подходящую, не занятую никем, каюту, мне пришло в голову, что ты тут один скучаешь.

– С чего ты взяла, что я скучаю? – спросил я.

– С того, что Цезарь кукует в ангаре, – ответила она. – И мастерской для того, чтобы собирать всякие механические штуковины, здесь тоже не наблюдается. Я знаю, что это такое, не иметь возможности заниматься любимым делом, столкнулась с этим немного раньше: на антарктической базе казино так и не обнаружилось. Но я нашла себе другое занятие, и, кажется, все у меня получается.

Она говорила, а я смотрел на нее и думал: она пришла рассказать о том, как плохо, когда не получается заняться любимым делом? Или агитирует меня найти другое хобби? Или почему она здесь?

– Скучаешь без азартных игр? – спросил я, отойдя к своей койке. Рядом был небольшой рундук для личных вещей, среди которых у меня затесался планшет и, *cazarolla*, маленький

3Д-принтер. «Беретту» на таком не выстрогаешь, так, для всяких мелочей. Мало ли что может понадобиться – ключик какой-нибудь, инструмент, да хоть пуговица для штанов – не обращаться же к кураторам по каждой мелочи? – Хочу тебе предложить одну штуку...

– Звучит заманчиво, – сказала Куинни. – Надеюсь, ничего такого... предосудительного?

– Да кому тут нас осуждать? – хмыкнул я. – Фичам? В общем, присядь пока, я быстро...

Пока мы мило болтали, я нашел на планшете нужный образ и пустил на печать. Когда-то давно, говорят, карточные шулера умели определять масть и достоинство карты по огрехам печати рубашки. Но те времена прошли, и теперь карта изготавливалась уже с нанесенным изображением и с совершенно одинаковой рубашкой. Пятьдесят две карты принтер распечатал за полторы минуты. Я вынул новенькую колоду из лотка и перетасовал:

– Когда-то я неплохо рубился в покер, – сказал я Куинни, заинтересованно наблюдавшей за моими манипуляциями. – Возможно, у меня тоже есть к этому... сверхспособность? Просто она дремлет... вот я и подумал, не сыграть ли нам? Посмотрим, так ли ты в этом хороша, как говоришь.

– Ты уверен? – спросила она, прикрыв глаза.

– Ты что, боишься? – парировал я. – Кстати, чтобы придать игре серьезность, предлагаю играть на раздевание.

– Вообще-то, ты уже видел меня голой, – заметила она,

протянув руку, чтобы взять у меня колоду. – И даже потрогал.

– Не откажусь повторить, но, боюсь, случай может представиться не скоро. Почему бы немного не потормозить естественный ход событий?

– А не боишься остаться без штанов? – поинтересовалась она с прежней своей насмешливостью. – Ты не знаешь, на что нарываешься...

– Neanche cazzo. Вот еще, тоже мне, повод для страха.

– Ну, тогда держись у меня, – фыркнула она. – Сдаем по очереди, я с первой руки, согласен?

Я кивнул.

Куинни

Сверхспособности... они – как чувства. Мы можем быть не готовыми к любви или ненависти, можем искренне желать полюбить или возненавидеть, но нашим чувствам плевать на это с высокой крыши – мы любим и ненавидим независимо от нашего желания.

Едва я коснулась еще теплой после принтера колоды, то почувствовала какой-то ток, словно все мое тело пронизало высокое напряжение. Я могла вообще не задумываться, сила, исходящая изнутри меня, проходящая через мою татуировку, сама вела мою руку.

Через полчаса я словно очнулась – пока Призрак, голый до

пояса и без обуви, вытаскивал ремень из джинсов, я смотрела на карты, еще не перетасованные (была моя очередь тасовать), и думала. Что я делаю? Я хочу показать Призраку свое превосходство? Но мое превосходство – не моя заслуга. Я не знаю, чья – может, Ройзельмана, может, матушки-природы, но не моя. И что я докажу, раздев его и оставшись одетой? Разве это то, что мне нужно?

Я сдала карты – и, зажмурившись, приказала сверхсиле молчать.

Это был поединок на равных – он действительно неплохо разбирался в покере, но и я, даже без помощи сверхспособностей, играла более чем хорошо. Наш поединок стал еще интереснее, когда мы оказались в равных условиях. И все-таки он проиграл, хоть я и не пользовалась своей сверхсилой. Расставшись с последней деталью своего туалета, он сел, закинув ногу за ногу, посмотрел на меня и усмехнулся:

– По-моему, ты поддавалась.

– Я просто старалась играть честно, – пожала плечами я. На мне все еще оставались шорты и маечка-топик. – Ты действительно крут.

– Мне показалось, что я чувствую карты, – сказал он. – Но, наверно, это какой-то самообман.

– А как это было? – спросила я, стараясь не смотреть на него.

– Как будто что-то ведет твою руку. Это похоже...

– Будто по пальцам ток прошел, – сказала я тихо, пони-

мая, что это действительно произошло – Призрак почувствовал карты так, как чувствую их я.

– У меня такое случается, когда я что-то собираю или ремонтирую, – кивнул он. – Но не мог же я действительно...

– Почему? – перебила его я, вставая. – Я ведь овладела магией, хотя, конечно, никакая это не магия, а просто еще одна сверхспособность... кстати, о магии...

– Что? – спросил он.

– Помнишь, я задолжала тебе песню? – спросила я, внутренне робея, потому что уже знала, что это за песня. Я никогда ее не слышала, я даже о ней никогда не слышала – память пришла откуда-то изнутри меня. – И танец. У моего народа когда-то давно была одна... песня, за которой следовал танец. И я спою эту песню для тебя. А станцуем мы вместе.

Кажется, он был озадачен:

– Ты будешь смеяться, но я совершенно не умею танцевать, – признался он.

Я улыбнулась, уже слыша странную музыку своей особенной песни:

– Я думаю, этот танец ты знаешь лучше меня. Ведь я его еще не танцевала ни разу, а ты, если не врешь, конечно, перетанцевал пол-Палермо...

И, не дав ему опомниться, я запела:

– Землю ночь накроет звездным покрывалом.
Без твоих объятий днем я тосковала,

Сильных рук любимых нежное касанье
Может ли приятней быть в любви признание?
На исходе ночи, словно тень из рая,
Из твоих объятий быстро убегаю,
Пусть в тоске разлуки день скорей промчится,
Чтоб в твои объятия ночью возвратиться...

Наследники Гая Муция

Бракиэль

Я видел небольшую группу людей. Они были одеты в костюмы Проекта, но я никого из них раньше не встречал, к тому же большинство из них были заметно старше, чем участники Проекта. Люди были напуганы, и почему-то мне это нравилось.

– Разве ты не видишь? – сказала Нааме. – Они напуганы. Они не могут сопротивляться нам. Они всего лишь генераторы страха из слабой плоти...

Она говорила, а я смотрел, как, словно в замедленной съемке, на лицах людей страх уступал место решимости. Я знал, что будет, но не мог помешать этому. Красивая рыжая девушка вскинула что-то, что, как я понял, было оружием. И целилась она в Нааме.

– Нет! – закричал я, бросаясь между девушкой и Нааме. Наверно, следовало наброситься на эту девушку, обезоружить ее, но я не был уверен, что она не успеет выстрелить. Она успела, а я успел заслонить Нааме. О том, что девушка выстрелила, я мог только догадываться – не было ни вспышки, ни звука, ни трассы между стволом и целью – ничего, кроме внезапно возникшей раздирающей боли в груди и по-

нимания, что я выиграл для Нааме несколько секунд.

Я знал, что у нее есть другой или даже другие. Знал, что она меня не любит. Знал – и все равно закрыл ее собой. Я также знал, что выстрел из странного оружия смертелен даже для меня. Я был уверен, что... Я был уверен, что погибну.

Я закрыл ее собой и потом увидел, как солдаты набрасываются на людей, ведущих беспорядочный огонь, а Нааме склоняется надо мной, и от нее исходит нечто такое, что я описать не мог. Мне казалось, что она кричит, кричит, не издавая звука, где-то в безмолвии, в котором обитают наши души, ее душа зашлась в беззвучном крике, увидев, что моя душа, пораженная выстрелом неизвестного оружия, исчезает у нее на глазах...

– Кажется, вы видели кошмар, – сказал мой двойник, сидящий у меня на кровати. Я занимал крохотную одноместную каюту недалеко от огромной рубки подлодки, и, кроме моей версии, кажется, сотканной из космической черноты, других попутчиков у меня не было. Черный Бракиэль был фичей Нааме, а моя фича находилась рядом с ней. Именно потому я не полетел на «Левиафан», как намеревался. Я и так находился с ней рядом, хотя и не видел ее – она запретила мне смотреть до тех пор, пока не «придет в порядок». Я мог слышать ее, чувствовать ее запах, мог касаться ее, хоть иногда она и отстраняла мою руку.

– У вас участилось сердцебиение, – продолжил мой дoppelгänger. – И давление подскочило. Мне это не понрави-

лось, вот я вас и разбудил.

– Сколько еще до прибытия? – спросил я, потягиваясь в койке, отгоняя остатки кошмара.

– Сорок две минуты, – последовал ответ. – Через двенадцать минут общий подъем. Советую принять душ: через двенадцать минут напор в корабельной сети упадет.

– Спасибо, – я поднялся и направился в душ. Проклятый сон засел у меня в памяти, как репейник в хвосте дворняги. Кошмар казался слишком ярким, словно и не сном был, а... воспоминанием? Но о чем? Было это с нами когда-то или когда-нибудь случится? Со времени вступления в Проект я научился серьезно относиться к таким вещам, как сны.

Уже принимая душ, я вдруг понял, что женщина, стрелявшая в Нааме, была похожа на повзрослевшую Олгу. Похожа – и не похожа одновременно. Странно...

Выходя из душа, я твердо решил не заморачиваться по этому поводу. Если подсознание хочет мне что-то сообщить, пусть выражается определеннее.

Фредди

Ника... то есть Леди Н., конечно... так вот, Ника говорила на одном из занятий, что умение засыпать на какое-то определенное время – это «тихий голос вашей фичи». Удивительно, кстати, как наименование, придуманное, если мне не изменяет память, Джинном, распространилось в нашей

среде. Кураторы называют фичей «тульпами», но у нас это название не прижилось, и кураторы, видимо, решили именовать фичей так, как нам удобно.

Так вот, если верить Нике, фича присутствовала в нас еще тогда, когда мы не осознавали этого, и чем могла, помогала – например будила в нужное время. А мне почему-то казалось, что такой способностью обладаю не я один. Например, в келье отца-настоятеля будильника не имелось, да и у остальной братии я этого устройства не замечал. Это что же, у них тоже есть фичи, что ли?

Я спросил об этом у Ники, и она ответила, что среди людей потенциальных носителей сверхспособностей много, но это не значит, что они когда-нибудь смогут ими воспользоваться. Она пояснила это на примере моих ног – я не чувствовал их, потому не мог и ходить.

Кстати, я все-таки начал ходить так же, как другие, после нашей атаки на нового друга Бракиэля, которому он все еще не придумал имени. Что-то, должно быть, стало на место у меня в голове, и теперь ноги стали в полной мере моими ногами... со всеми вытекающими отсюда последствиями – например, я обнаружил, что кроссовки мне дико жмут. Обратился с этим к Баракке, неофициально заведовавшему снабжением Проекта, и тот пообещал выдать мне другие, но уже по достижении базы.

Эх... вечно я все хожу вокруг да около. Так к чему я вспомнил о фичах? А к тому, что нас с Тенью разбудили на-

ши фичи, ровно за полчаса до прибытия. Мы вместе приняли душ – на этом настояла сама Тень, аргументировав это тем, что «сейчас все как ломанутся – напор будет никаким, волосы не промоешь»... ей виднее, а по-моему, когда вокруг тебя океан, беспокоиться о наличии воды странно. В душе у нас чуть было не случился рецидив вечерней страсти, но Тень меня отшила – ей надо было привести себя в порядок, а времени до прибытия оставалось мало. Впрочем, против моих ненавязчивых ласк она не возражала, так что водные процедуры прошли для меня вдвойне приятно.

Помывшись и одевшись, мы направились на главную палубу, располагавшуюся в «горбе» за рубкой. Здесь находился ангар техники, и поскольку мы прибыли раньше других, то отправились туда полюбоваться техникой нашей команды. В ангаре я столкнулся с Призраком, довольным, как эконо- ном, прибравший к рукам бочонок хорошего вина. Я спросил у него, с чего это он цветет и пахнет так, словно в казино выиграл. Он ответил, что, во-первых, не в казино, а в карты, во-вторых, не выиграл, а проиграл, а в-третьих, *fatti i cazzi tuoi*, что бы это ни значило. После чего принялся что-то подкручивать во чреве своего железного друга, напевая какую-то попсу о ночных тенях, ускользающих поутру, что-бы появиться с закатом.

Лишь когда я отошел, то понял, что напевает он на каком-то странном языке, похоже, из группы бантустанских. Ни хрена себе...

Пока я здоровался с Призраком, Тень встретилась с Дарией и Куинни. Они о чем-то весело переговаривались, но с моим появлением замолкли.

– Секретничаете? – спросил я. – Дария, а где Джинн? Призрака видел, он Цезаря полирует, а Джинн как вчера пошел с местной сетью разбираться, так его и след простыл.

– Здесь я, – отозвался Джинн, появляясь в сопровождении Бракиэля. – Чуть подзадержался, хотелось все-таки разобратся с тем, что я нарыл. Вчера мне, хм, времени на это не хватило.

– И как, получилось? – поинтересовалась Дария.

– Глухо, – вздохнул Джинн. – Апиствия режет моих ботов, как котят. Под что я их только не маскировал – режет, хоть ты тресни.

– То, что ты называешь Апистией, на самом деле фича одного из бывших кураторов, – сказал Бракиэль, глядя куда-то в сторону. Мы уставились на него:

– Как это «бывших кураторов»? – спросил Джинн.

– Помнится, Лорд упоминал, что раньше их было больше, – сказала Тень. Я, хоть убей, так и не смог вспомнить, когда это было.

– Проект начинали Лорд и одиннадцать его учеников, – пояснил Бракиэль. – Из этих одиннадцати остались трое.

– А что случилось с остальными? – спросила Дария. Она еще не поняла...

– Неконы. – Бракиэль сказал это слово так, словно сплю-

нул. – Те, кто боятся перемен.

Я вспомнил свой сон, который привиделся мне о моем прошлом: страшного мужика с разодранным лицом... все это исполнилось правдой, это событие снимал дрон Апи-стии. Больше всего меня удивило то, что Нике тогда было только десять лет, хотя во сне я видел ее взрослой. Но что-то в ней было уже тогда, что-то такое, что заставило банду отморозков разбежаться по канализации, как крысы.

А Апиствия... я видел, что представляли собой мои ноги после «благословения» – обугленные, страшные, местами прогоревшие буквально до костей. Она приложила руку, и через две-три минуты раны стали затягиваться! Вот это я понимаю, сверхспособность, а не мой жалкий телекинез...

«У тебя есть еще и абсолютная память, – напомнила мне фича. – Как у Надин, кстати. Абсолютная память была первой ее сверхспособностью».

Наше общение, вернее, затянувшуюся паузу, прервало то, что корабль легонько вздрогнул. Вообще, я никогда не плавал не то что на подлодках, даже на надводных судах, и меня поразило то, что движение почти не ощущалось, словно мы были не на корабле, а на стационарной базе.

– Прибыли, кажись, – сказал Призрак, подошедший к нам незнамо когда. – Cazzarolla, ну, конечно, прибыли, вон, и Леди М пожаловала.

Бракиэль встрепнулся и принялся смотреть по сторонам.
– Какая еще «Леди М»? – спросил я.

– Леди Мегера, – пояснил Призрак. – Я так нашу дорогую Апистию называю.

Бракиэль посмотрел на Призрака испепеляющим взглядом, а я просто попросил:

– Не называй ее так, бро. Она все-таки мне ноги спасла.

Призрак хотел что-то возразить, но тут заговорила Апи-
стия.

Куинни

– Внимание всем участникам Проекта! – сказала Апи-
стия. – Мы прибываем на подводную базу. Сейчас в поряд-
ке следования цепочек переходим в шлюзовую, ожидаемся,
пока откроются двери, и вперед, по проходу. Пройдя шлюз
на той стороне, ожидаемся остальных.

– Детский сад, – вздохнул Призрак.

– Владельцам транспортных средств просьба не беспоко-
иться – ваших железных друзей переправят на базу сразу по
окончании перехода всех цепочек...

– Я никуда без Симбы не пойду!

Мы все – не только наша цепочка, вообще все участни-
ки, обернулись к тому, кто это сказал. Это был высокий, му-
скулистый темнокожий парень с хмурым взглядом молодого
бычка. Что-то мне подсказывало, что он не из Африки, аме-
риканец, наверно, или, может, европеец, несмотря на то, что
явно загонялся по африканской культуре, прям как я. Вот и

машину назвал африканским именем...

Апистия посмотрела на парня так, как до того Бракиэль на Призрака – таким взглядом можно гвозди забивать:

– Морфеус, это еще что такое? Если тебе не терпится общаться с Симбой, можешь телепортировать его на бортовую станцию сразу по прибытии.

– Вы знаете, что у меня не получается, – ответил тот. – Симба очень тяжелый, а я только-только телепортацию освоил...

– Симба – это, наверно, тот робогрейдер, – тихо сказал мне Призрак и, видя мое недоумение, пояснил: – здоровущая cazzatta с ковшом, красно-желтая, ты его не могла не заметить.

Я неуверенно кивнула. Было что-то такое в гараже Прокта, видела мельком.

– Кажется, это твои проблемы, – равнодушно пожала плечами Апистия. – Хочешь – дожидайся, пока твою бандуру свезут на базу дроны, хочешь – сам тащи, если пупок не развяжется.

Призрак кашлянул и шагнул вперед:

– Парень дело говорит, – заявил он. – Даже Цезаря перетаскать – та еще cazza granda, а уж его racco di merde потяжелее будет, раз так в сто. Может...

– Не помню, чтобы я спрашивала твоего совета, – Апистия глянула на Призрака полыхающим взглядом. – Тем более, не помню, чтобы Лорд принимал тебя в состав кураторов.

– Я не куратор, – признал Призрак, – но и не андроид какой-нибудь, чтобы своего мнения не иметь, cazzarolla! Не понимаю, почему мы не можем...

Апистия... не знаю, как это назвать, мгновенно переместилась к Призраку, схватила его рукой за горло и приподняла подбородок:

– Почему? А потому, маленький засранец, что вас собрали не для того, чтобы вы друг другу помогали! Вы еще этого не заметили, но все цепочки конкурируют друг с другом. И с каждым днем эта конкуренция будет только обостряться. Кроме твоей цепочки и кураторов, здесь у тебя нет друзей, понял?

– Нет, не понял. – Это уже Джинн пришел на помощь другу. – Мне Надин другое обещала.

Апистия смирив его насмешливым взглядом:

– До того, как ваша цепочка притащила на базу неоконченных дронов на хвосте? Или уже после?

Джинн скрипнул зубами, но встал ближе к Призраку – с правой стороны, потому что слева стояла я. Даже не заметила, как подошла к нему и взяла за руку, я сделала это машинально – зато я поняла, что вот уже минуту мурлычу себе под нос один мотивчик... Как там Призрак говорил, колдуй, баба, колдуй, дед? Говорят, три раза спетая, эта песня обладает способностью убивать. Я не была в этом уверена, но слова сами приходили мне на ум.

– Игры закончились! – кажется, Апистия вышла из себя –

мне даже почудилось, что от нее исходит волна жара. – Началась жизнь, и то, что вы видели, еще цветочки. Неоконы считают нас угрозой, и, надо сказать, обоснованно – если мы решим свести с ними счеты, прятаться будет негде, из рая вытащим и в аду найдем. Но лишь когда вы подрастаете, когда возмужаете... если сумеете. И взаимопомощь вам в этом не поможет! Тот, кто полагается на помощь друга, слаб, а силен лишь тот, кто рассчитывает только на себя. Так что бросайте вы это дурное занятие. Кстати, если вы думаете, что всемером справитесь с Куратором – ангард⁹!

– Брейк. – Интересно... минуту назад Лорда в помещении не было, и появиться ему было неоткуда. То ли он все-таки присутствовал, но невидимый, то ли он умеет телепортироваться – хрен поймешь. – Апиствия, я вижу, что тебе не терпится показать меру своей крутизны, и решительно против этого. Хватит нам потерь, тем более не надо потерь от friendly fire. Неоконы только этого и добиваются.

– Мой Лорд. – Все пламя, пылавшее в глазах Апистии, мгновенно погасло; казалось, ее зрачки затянуло изнутри льдом. – Мне кажется, нам следует принять меры – вы же видите, насколько серьезна ситуация. Мало того, что эта цепочка возомнила себя коллективным воплощением Спасителя, они еще и...

– Дерзают с тобой спорить, – улыбнулся Лорд. – Апиствия,

⁹ Ангард – фехтовальный термин, означающий «стать в стойку». В переносном смысле – предложение начать поединок.

они дети, а дети все одинаковы. Вспомни себя...

– Я никогда не была ребенком, – перебила его Апиствия. Улыбка Лорда стала шире:

– Физически ты была взрослой, обе половинки твоего я, но психологически – не так давно вы все были детьми. Вы и сейчас порой ведете себя, как дети. Так что оставь семерку Надин в покое, разбирайся со своими. У тебя хорошие показатели, не стоит портить их непедагогическим избиением чужих подопечных... И потом, как ты объяснишь это Надин? Насколько я знаю, вы ведь уже помирились?

– Я, – оп-па, а Апиствия, кажется, смутилась. Интересно, как это – она никогда не была ребенком? Родилась взрослой? И что это за две половинки личности? Имеется в виду ее фича?

– Именно ты, – кивнул Лорд. – Иди к своим, командуй высадкой, а я пока прогуляюсь с ребятами по лодке и объясню им несколько животрепещущих истин.

Странно... Лорд говорил абсолютно спокойно, как-то даже расслабленно, но меня не покидало ощущение, что за этим внешним спокойствием, расслабленностью таится нечто такое... страшное. По-настоящему страшное. И если это нечто когда-нибудь вырвется на волю, прорвав внешнюю оболочку снисходительного спокойствия, небо над всеми нами скукожится, как шагреновая кожа. Я и оглянуться не успела, как уже семенила за Лордом, все еще держась за руку Призрака...

Тень

Лорд отвел нас в самый конец палубы. Мы миновали импровизированный ангар, где стоял грустный Симба, рядом с которым «Таннин» Бракиэля казался крошкой, миновали широкий проход и оказались в тесном помещении, буквально зажатом между каких-то невообразимо больших шахт.

Лорд непринужденно оперся на одну из них:

— Когда этот кораблик был молод, таких шахт на нем было шестнадцать, — сказал он. — И каждая заряжалась баллистической ракетой с тремя зарядами, каждый из которых мог превратить в радиоактивную пустыню город вроде Нью-Йорка. Потом двенадцать шахт удалили, чтобы разместить многочисленные лаборатории, а четыре оставили — чтобы спутники запускать. Я, в общем-то, для этого их и использую.

Вы провели на лодке полночи и часть дня, но об этом, наверно, даже не подозревали, правда? Спешу вас огорчить: вы не знаете еще очень, очень многого. Но делаете выводы о том, о чем не знаете, и выводы очень категоричные. Разве нет?

Взять ту же Апистию. Леди Мегеру. За прошедшие двое суток она провела две операции. Очень тяжелые, очень сложные. Она спасла жизнь двух человек, включая вашего куратора и члена вашей цепочки. Она принимала решения, после которых более впечатлительные врачи ночами не спа-

ли. Она, сжав волю в кулак, приняла решение ампутировать конечности вашей Лыдинки – ни антибиотиковая блокада, ни нанореконструкторы, ничего не могло остановить сухую гангрену, пожиравшую плоть Леди Лёд – лишь ампутация отсекала для нее путь к важнейшим органам.

Другой на месте Апиистии никогда бы не решился на это: лишить молодую, цветущую девушку сразу всех ее конечностей. Другой бы пытался спасти хоть что-то – и проиграл бы. Иногда в жестокости куда больше добра, чем в слюнновом гуманизме. Леди Лёд в коме, но ее жизнь в безопасности, и даже сейчас Апиистия с помощью своих сверхспособностей неотрывно следит за ее состоянием и в случае малейшего сбоя немедленно отправится на «Левиафан», чтобы лично схватиться с той, у которой, по мнению некоторых, невозможно отнять ее добычу, со Смертью. А для вас она – Леди Мегера, цепная сука Проекта, да, Призрак?

Я увидела, что Куинни крепче прижалась к Призраку, словно пытаюсь защитить его от слов Лорда. А сам Призрак побледнел, как настоящий призрак. К счастью, Фредди, то ли случайно, то ли намеренно, разрядил ситуацию:

– Ни рук, ни ног... как же она теперь?

– Мы дадим ей новые руки и новые ноги, – сказал Лорд. – Нам это подвластно. Надин, несмотря на слабость от ранения, уже выращивает для Леди Лед новые конечности – и тоже неотступно находится рядом с ней. Вам кажется, что мы, кураторы, далеко от вас, но мы всегда рядом – пока вы

в нас нуждается. Но вам надо самим строить свою жизнь, и тут уж мы ничем не поможем. Поэтому чему вы должны научиться – полагаться исключительно на себя. Не на нас, не на друг друга, а только на самих себя. И пока вы этому не научитесь, все ваши сверхсилы и фишки бесполезны. Это ясно?

Я машинально кивнула, но несколько неуверенно: полагаться только на себя? А как же Фредди? Как же Дария? Неужели полагаться на них неправильно?

– ...и учитесь думать хотя бы на два шага вперед, – продолжил Лорд. – Вы кажетесь сами себе умными, взрослыми, самодостаточными, но делаете одну глупость за другой, а почему? Потому, что не думаете. Поясню на самом простом примере.

Скажите, ведь каждый из вас задумывался о том, что делает в Проекте Олга, не так ли? Вам казалось, что она случайный здесь человек: сверхспособностей нет, фишки нет, да и родители у нее свои, не приемные. И она моложе вас. На основании этого вы решили, что Олга не относится к детям R, а потому удивились, когда она все-таки завела себе фику и стала демонстрировать, пусть и куцые, но сверхспособности. Тут вы зашли в логический тупик и подумали даже, уж не обманываем ли мы вас, говоря, что сверхспособности – это наследие Ройзельмана, правильно?

Мы вновь закивали – по крайней мере ход моих мыслей Лорд описал довольно точно.

– Видите? – с торжеством в голосе продолжил Лорд. – Ма-

ленькая логическая ошибка в самом начале приводит к катастрофически неверным выводам. А все почему? Потому, что все ваше внимание сконцентрировалось на Олге... – Лорд улыбнулся. – Кто знает, сколько лет было Августу?

Мы переглянулись.

– Лет сорок пять, наверно, – неуверенно сказал Джинн.

– Какие вы все-таки нелюбопытные, – усмехнулся Лорд. – Но ты попал пальцем в небо, Августу действительно сорок пять. Он родился в две тысячи четырнадцатом, в августе, через полгода после Макса... ну, вы не знаете, кто такой Макс, да и не важно. А важно то, что в том же году, в ночь со второго на третье мая, Лев Ройзельман был арестован по обвинению в... – На лице Лорда появилось выражение отвращения. – Бесчеловечных опытах. «Сдал» его властям собственный учитель и друг, которому Лев доверял, как самому себе, которому искренне хотел помочь и помог...

Взгляд Лорда стал рассеянным, он словно смотрел сквозь нас в то прошлое, о котором говорил. Внезапно я поняла, что для него это очень личная история. Для Лорда Ройзельман был не просто учителем или кумиром – он являлся близким ему человеком. Отец? По возрасту вроде бы подходит, да и внешне между ними имеется определенное сходство...

– Шесть месяцев Ройзельман провел за решеткой, – продолжил Лорд. – Вышел он настоящим изгоем. С трудом сумел получить работу. От него все отвернулись, особенно те, кто был ему чем-то обязан. Особенно они... именно потому

он и потерял из виду **второго...**

– Вы хотите сказать, что Август – ребенок R? – спросила я. Лорд посмотрел на меня с интересом:

– Не совсем. Его отец... с ним Ройзельман связывал большие надежды, и отчасти эти надежды оправдались, намного позже. Отец Августа был влиятельным, богатым и глубоко несчастным. Он всю свою жизнь добивался положения в обществе, а когда добился, понял, что жизни осталось всего ничего. Тогда мужчина постарался прожить остаток жизни, как говорится, полной грудью. Женился на молодой красавице, победительнице какого-то конкурса красоты. Он очень хотел сына и наследника, но что-то не получалось, и тогда он обратился ко... он обратился к Ройзельману. Тот, хоть и был молод, уже успел засветиться как раз в вопросах практической репродуктологии.

Исследуя половые клетки Гарри и его жены, Ройзельман обнаружил интересный эффект – яйцеклетка молодой женщины отторгала семя ее мужа, словно вирус. Срабатывала иммунная система, сам организм работал, как противозачаточное средство. Ройзельман решил проблему, но в качестве... скажем так, моральной оплаты, позволил себе внести некоторые изменения в геном будущего ребенка. Он не знал, получится ли у него с Максом, нормально ли сработает его ноу-хау, и решил подстраховаться.

Но за то время, что Ройзельман был в тюрьме, произошло слишком многое. Гарри застукал свою беременную жену во

время «развлечений» с пилотом своего «Оспрея», выгнал ее из дому и развелся с ней. Он платил женщине неплохие алименты, не по решению суда, а сам – поскольку ребенок носил его ДНК... отчасти. Он оплатил образование своего сына, но когда захотел с ним встретиться, тот ответил отказом. А я... я думаю, что мать Августа настроила сына против его отца. Что до Ройзельмана, тот следил за Августом до самого Года Кометы. Потом ему стало не до него. А потом он умер.

Кадык Лорда судорожно вздрогнул, словно он сдерживал бронхиальный кашель:

– Я заметил Олгу случайно. Сначала обратил внимание на творчество ее отца – он не только мастерски вскрывал подковёрные игры неоконцов, но и консультировал фильм о Ройзельмане, который снял Хэрингтон. Я попытался с ним встретиться, но он все время был в разъездах, а после и вовсе пропал. Зато я увидел Олгу и сразу понял – она из наших...

– Из наших? – спросил Призрак. – Са... простите, Лорд, можно задать вам вопрос?

– Боже, Призрак, какой ты деликатный! – улыбнулся Лорд. – Тебя кто-то покусал? Задавай, конечно, о чем речь.

– Вы тоже из детей Р? – в лоб спросил Призрак.

– А сам как думаешь? – улыбнулся Лорд. – Впрочем, любая твоя догадка будет далека от правды. Скажем так, я действительно имею отношение к Проекту Ройзельмана. Но я немного больше, чем ребенок Р. Тем не менее у меня и у вас одна ДНК, или, как говорили в старину, мы с вами одной

крови. Так что мой ответ – да.

– Cazzo non è chiaro, – проворчал Призрак. – Как и не спрашивал.

– Не ищи простых ответов, figlio mio, – снисходительно заметил Лорд. – Простые ответы у попов, а в жизни всегда все сложно, piccolo stronzo. Фредди, что ты хотел спросить?

Мой молчаливый гигант нерешительно взглянул почему-то на меня, словно ища поддержки. Я тихонько сжала пальцами его ладонь.

– Сэр, вы говорили, что дадите Льдинке новые руки и ноги, – сказал он. – Но ведь они все равно будут чужими, правильно? Вы видите в нас сверхлюдей, но мы еще не стали ими. Мы пока еще простые подростки. Леди Лед сильная, но я хорошо знаю, как это – быть без ног. Я помню. Я хорошо помню, как когда-то Апиствия спасала мои ноги. Это было похоже на чудо. Потому я верю, что вы сможете вернуть Льдинке утраченное. Но каково ей будет до этого?

– Никаково, – пожал плечами Лорд. – Мы продержим ее в коме до приживания. Но отчасти ты прав. У нее может быть шок, когда она узнает, – а узнает она обязательно. Вообще-то, я ничего не имею против шока, но девочке и так досталось. Она выглядит крепкой, но ломаются даже самые сильные. Что ты предлагаешь?

– Мы должны быть рядом с ней, – ответил Фредди.

– Согласен, – кивнул Лорд. – Вам предстоит пройти несколько тренировок, после чего ваша цепочка полетит на

«Левиафан» в числе первых.

– Этого мало, – сказал Призрак. – Скажите, Лорд, а что представляют собой эти протезы?

– Хочешь посмотреть? – улыбнулся Лорд. Призрак кивнул. Лорд тут же сбросил пиджак и протянул его Призраку: – тогда поддержи. Впечатлительных попрошу отвернуться.

Он стащил с себя водолазку, передав ее Призраку, и остался обнаженным до пояса. Я засмотрелась, и, должно быть, не я одна – у Лорда было не по годам прекрасное, очень гармоничное тело. Я даже, по-моему, покраснела – мне стало стыдно за такой откровенный интерес.

– Правда, хорошее тело? – подлил масла в огонь Лорд. – Совершенное произведение искусства... с кучей сюрпризов внутри.

Внезапно из промежутков между костяшками пальцев Лорда появились тонкие лезвия, длиной с полметра. Появились и моментально скрылись.

– ...например, вот таких. Прямо как у моего любимого героя детства, на фильмы о котором я сбегал из... не важно.

Он взял себя за запястье и, внезапно, резко повернул его по часовой стрелке, так, что рука до локтя с тонким хрустом оторвалась. Дария ойкнула, я, кажется, тоже. Из девочек спокойствие сохранила одна Куинни.

– Но тело – только оружие, боевая машина для человеческого мозга. Ты знаешь, Призрак, что в машине иногда надо менять детали, даже если они вполне исправны. Просто

для того, чтобы улучшить ее характеристики. Возьми, поддержи, – и Лорд протянул Призраку свою руку.

Сохраняя внешнее спокойствие, Призрак взял руку Лорда... и едва не уронил:

– Но она же теплая, как живая!

– А кто тебе сказал, что она мертвая? – широко улыбнулся Лорд. – Срок службы этого тела – четверть тысячелетия, вне зависимости от того, разделено оно на части или функционирует в комплексе...

– Я хочу такой протез для себя, – необычно медленно сказал Призрак.

Кажется, удивился даже Лорд:

– В смысле? У тебя руки-ноги вроде бы в порядке...

– Я хочу себе эту рассо... – повторил Призрак. – Простите, сэр, я имел в виду, что хочу поменять свою руку на такую же.

– Потому, что сочувствуешь Льдинке? – уточнил Лорд с подозрением в голосе.

– Нет, – ответил Призрак. – Всегда мечтал иметь руку, которую можно на ночь спрятать в тумбочку. Да и лезвия в хозяйстве пригодятся.

Куинни

Что я почувствовала? Врать не стану, без ревности не обошлось. Все-таки когда тот, кого ты уже считаешь своим пар-

нем, готов отдать руку для другой девушки – это невольно дает повод для ревности.

Но моя ревность, не успев родиться, задохнулась под давлением более сильного чувства – гордости. С той ночи, когда я доверила Призраку быть моим проводником, моим страховочным канатом в путешествии, из которого люди, как правило, не возвращаются, между нами установилась связь. Я чувствовала то, что чувствует он в эту минуту. Не могу не признать, Призрак та еще врушка – он очень часто весел, когда грустит или серьезен, когда в душе хихикает и куражится. Как тот валет с карты, двойственный, но не в плохом, а в хорошем смысле этого слова.

И я чувствовала, как тяжело далось ему это решение. Можно сколько угодно уверять себя, что «новая рука будет лучше старой», но наверняка ты этого не знаешь, и выбор состоит между своей рукой и абстрактной модернизированной.

В наше время имплантаты не то чтобы обычны, но и не в диковину, как раньше, но одно дело – **добавить** себе компьютер в голову, как Джинн, или усилители мышц, как многие спортсмены, и совсем другое – **полностью заменить** свою плоть на что-то чужое. Призраку было страшно, я чувствовала это. И чувствовала, как он борется со своим страхом.

Я коснулась его одновременно на всех уровнях – и физически, захватив ладонью его ладонь, как получасом раньше,

когда он спорил с Апистией, и на уровне, на котором между нами была та самая незримая связь. Я поняла, что он это почувствовал. Он обернулся ко мне и подмигнул:

– Надеюсь, с новой рукой я не стану менее привлекательным. Как думаешь, Куинни?

Духи предков, я не была к этому готова! Ребята-то еще не знали, что между мной и Призраком... что-то есть. Но, вспомнив о том, как он мужественно подавил свой страх, я, сжавшись внутри в комок, ответила:

– Для меня – точно нет, – и чмокнула его в щечку, показав напоследок язык. Ну не могла я не выпендриться!

– Я думаю, бро, – сказал Фредди, – что несправедливо, если ты один будешь с таким клевым девайсом. Я бы тоже от такой руки не отказался. Со встроенным альпинистским карабином, на всякий пожарный.

– А, чисто теоретически, в этот протез ведь можно что угодно вмонтировать? – уточнил Джинн. Лорд кивнул. – Тогда мне, пожалуйста, дистанционные коннекторы, я напишу, какие. Клево же – над замком рукой провел, замок открылся; над диском провел – скачал информацию.

– В отличие от вас, я эти протезы видел, – сказал Бракиэль, – просто попросить не решался. Так что я с вами.

– Ну, куда ж мы без тебя, – сказал Призрак ехидно, а я тем временем решила:

– Вот что, я считаю, что это развлечение должно быть доступно не только мальчикам. Вы сможете сделать руку неот-

личимой от той, что у меня сейчас? Хотелось бы сохранить гармонию...

– Тебе совсем не обязательно... – начал Призрак, но я остановила его:

– Не знала, что ты – мужская шовинистическая свинья, хрю-хрю... так что, сэр, как насчет неотличимости?

– Мои руки абсолютно идентичны своим прототипам, – пожал плечами Лорд. – Никто из учеников даже не догадывается, что у всех кураторов такие киберпротезы, правда?

– Что, и у Надин? – удивился Бракиэль. Лорд кивнул:

– Мы все, в некотором роде, как конструктор. Что, Бракиэль, не ожидал? У тебя ведь была возможность не только посмотреть, но и...

– Была, – кивнул Бракиэль, краснея, – и могу подтвердить – ни на вид, ни на... ошупь – никакой разницы.

– Тогда можно и мне? – одновременно сказали Тень с Дарией. Лорд улыбнулся:

– Мне, конечно, не нравятся ваши мотивы, – сказал он. – Но вы приняли правильное решение, и это я одобряю. Баллов за операции с вашей цепочки я снимать не буду и гарантирую вам руки третьего поколения – последнего на сегодняшний день. А теперь идите. Все остальные уже на базе. Советую хорошо отдохнуть: завтра у вас тяжелый день. Попробуем сразу прогнать вас по всем подводным тренировкам, чтобы побыстрее отправить на «Левиафан». Скажите Апибии, пусть возьмет у вас клеточные образцы – тех, что

есть в банке «Левиафана», может не хватить.

Кто проживает на дне океана?

Джинн

Я ничего не понимаю.

Допустим, нас готовят для невесомости. В принципе, это логично: лучше «бассейна невесомости» для этого пока ничего не придумали, разве что стратосферный полет. Может быть, стратосферные полеты для нас пока не доступны, скажем, из соображений безопасности. Остается бассейн, правильно? Но зачем холодильник эскимосу, в смысле, когда вокруг океан, нет смысла строить специальный бассейн – просто вышел за калитку, которой в нашем случае является шлюзовая камера – вот тебе и бассейн. Логично? Типа, да. Если бы не одно но.

Условия нашей тренировки предполагают наличие силы тяжести. Иными словами, вместо того чтобы бодренько кувыркаться в условиях, когда сила Архимеда имитирует отсутствие силы тяготения, компенсируя ее, мы наворачиваем круги вокруг базы, как посуху, с одной только разницей – вокруг не воздух, а вода.

– Ух, и здоровая она, – сказал Фредди. Он стартовал пятым, после меня, Дарии, Призрака и Куинни, но обогнал всех и, кажется, задался целью закончить круг до того, как

стартует Тень. Интервал между выходами у нас был довольно большой, десять минут, так что шансы у него имелись.

Кажется, наличие воды, не только препятствующей движению, но и стремящейся вытолкнуть тебя поближе к естественной среде обитания человека, совершенно не стесняло нашего гиганта. По илистому дну он бежал, аки посуху, не то, что мы – я, например, постоянно то спотыкался, то оступался, то скользил по липкой массе отмерших водорослей...

Глубина в районе базы была невелика, по масштабам Тихого океана, в котором, как известно, существуют места, где могут запросто утонуть Гималаи – всего футов пятьсот. Последний мировой рекорд для аквалангистов, о котором я слышал, кажется, был втрое больше – Константину Горбенко удалось нырнуть на тысячу пятьсот футов. Вот только Горбенко нырял с аквалангом, а мы бежали без какого бы то ни было оборудования, если не считать таковым комбинезон с балаклавой и многофункциональные очки. Хотя мне кажется, что это «оборудование» покруче любого акваланга, – если бы не сопротивление воды, я бы мог себе представить, что бегу по проселку в окрестностях моего городка сразу после проливного дождя.

– Ну, держись, а я за Тенью побежал, – добавил Фредди.

Я кивнул, не отвечая, – и так я по темпу постоянно сбиваюсь. К тому же говорить через ларингофоны – то еще удовольствие...

База снаружи кажется больше, чем внутри, но это легко

объяснить. Дело в том, что она построена в форме восьмерки. Малое ее кольцо – это купол, вроде широко рекламируемых, но не больно популярных подводных кампусов Карибского моря, любимого детища так и не долетевшего до вождя Марса Илона Маска. Но наш купол больше, он словно затопленный стадион премиум-класса. И это – малая петля подводной восьмерки. А большая, что логично предположить, больше. Она представляет собой кольцеобразный коридор. На одном «полюсе» петли база, на другом терминал, рядом с которым лежит на дне громадина доставившей нас сюда подводной лодки. Хорошо хоть ее обегать кругом не надо, а то я бы, факн'шит, застрелился бы из Призраковой «беретты».

Ну не люблю я бегать! От слова вообще, тем более – под водой. И на кой черт это вообще надо?

Я как раз миновал терминал и машинально покосился в сторону «внутреннего двора» кольца. Там было на что посмотреть. На первый взгляд, это напоминало самоподъемную буровую, но без вышки. Вместо вышки на платформе была размещена катапульта в виде эстакады, у основания которой стоял древний космический челнок. Забавно, что многочисленные корабли много раз пытались ввести в эксплуатацию, но единственной удачной попыткой (не считая полупровалившегося московского «Фалькона») были американские «Спейс Шаттлы». Их построили всего пять, и два из них погибли. А остальные списали.

Честно говоря, мне жаль этот Проект. С уходом в 2011 году «Атлантиса» мы окончательно упустили первенство в этой сфере китайцам и русским. Сейчас даже европейцы строят ВКС, в том числе гражданские – «Конкорд-2», а у США, кроме орбитальных беспилотников, ничего нет. Иногда, особенно когда был помладше, я представлял себя бортинженером одного из этих корабликов...

И каково же было мое удивление, когда здесь, под водой, где-то у берегов Австралии, я увидел все три уцелевших шаттла. «Дискавери» в специальной силовой капсуле – ей-богу, не вру!!! – торчал на катапульте платформы, остальные два мирно расположились под ней, в ангаре, соседствуя там с двумя репликами, – «Энтерпрайз» и «Констелейшен». Бракиэль говорит, что еще один отирается на орбите, причаленный к «Левиафану», – огромной орбитальной станции Проекта. Бракиэль возил туда Надин на «Изиде», так что сам все видел. Откровенно говоря, я не совсем понимал логику Лорда – если «Изида» спокойно выходит в космос, на кой ему нужны старенькие шаттлы, тем более бывшие в употреблении? Правда, челноки серьезно модернизировали – подробно я не смотрел, но даже невооруженным глазом было заметно, что аэродинамические плоскости корабля были увеличены, корпус заново покрыт какими-то странными панелями, отчего шаттлы стали больше похожи на вышеупомянутые беспилотники, а еще – заменили двигатели. Я хоть и не специалист, но не узнать новейшие ФД-405 разработки

КБ имени Рогозина мог только полный профан в этой области, а я-то считаю себя эрудитом. Впрочем, теперь у меня всегда было с кем посоветоваться – внутри моей черепной коробки располагался мощнейший компьютер, построенный по нейронной схеме, а к нему прилагалась нехилая база данных практически по всему, и проверка догадки у меня заняла какую-то миллисекунду. Вообще, крутая штука эта база данных, хоть я с ней еще и не освоился толком. Посмотришь, скажем, на те же двигатели, бац – и ты не только все о них знаешь, но и отремонтировать можешь, в случае чего... хотя бы в теории.

Ладно, если что, ремонтировать будет все равно Призрак. Хрен его от этого оттащишь, он, по-моему, даже когда к Куинни ходит, по дороге ремонтирует все, что увидит. Если честно, на базе много неисправного – такое впечатление, что на ней произошла катастрофа. Если это и так, нам все равно об этом ничего не рассказывают.

Подводная база хуже арктической. Она меньше, кроме того, там сыро и как-то неуютно. Ладно, мы тут ненадолго. Боксов, кстати, тоже нет – четырехместные комнатки соединены с одним общим боксом, разделенным по принципу «опенспейс». Но нам с ребятами пофиг, если честно. Конечно, к присутствию Бракиэля мы не сразу привыкли, но потом ничего, притерлись. Тем более, что они с Призраком, внезапно, даже закорешились, вероятно, потому, что Бракиэль сумел приручить «Таннина». Эта штуковина, все еще безымянная,

впечатлила нашего механика. Ну, и соответственно, нашлась точка соприкосновения.

– Круг!

Эге, а я быстрее, чем я думал. Пока мои мысли скользили от шаттлов к «Таннину», я добежал до шлюза и едва не ломанулся на второй круг, но меня остановила Апиствия. Она сидела на склизком уступе купола и курила – под водой. Факн’шит, вот кто мне объяснит, как она это делает, не говоря уж о том, что Апиствия была без балаклавы, хотя сама же строго-настрого запретила нам снимать их – по ее словам, балаклава защищает нас, в частности, от давления, иначе всякий раз после пробежки требовалось бы проходить декомпрессию. Если бы мы вообще добежали – от нагрузок кессонная болезнь развивается быстрее. Кстати, как там Дария?

Я оглянулся и едва разглядел ее фигурку – исходящее от станции освещение все-таки было слишком сильным. Украдкой взглянув на Апистию, которая была занята спором с нашим марафонцем – Фредди, я потянул к Дарие канал, чтобы передать ей немного энергии. Ей, наверно, тяжело, особенно на последних метрах. Даже мне тяжело, а уж ей-то...

Фредди

Я, кажется, начинаю понимать Призрака. Эта Апиствия, реально, та еще штучка. Девочка выглядит хрупкой, стройной, нежной, как балерина... прямо как моя Тень. А внутри

у нее, похоже, титановый скелет. Да еще и поведение на грани фола, нечто среднее между хрестоматийным сержантом вроде Мёльдерса из сериала «Космические морпехи» и хулиганом из фавел.

Когда я прибежал, опередив всех наших, то немедленно получил от нее – за то, что не выдержал темпа и имел наглость передать ребятам немного своей энергии. Ну, передал, и что? Они же мои друзья, а Тень вообще моя девушка. Она хоть и не совсем слабая, но бегать под водой ей тяжело! Да я готов был вообще на руках ее нести весь круг, о чем и ляпнул Апиистии. Нарвался на следующий выговор. Тогда я в сердцах ей сказал:

– Неужели вам не хотелось бы, чтобы какой-нибудь мужчина вас на руках носил?

...кажется, я разбудил Ктулху (тьфу, ну и аналогии, особенно с учетом того, где мы сейчас...). Зрачки Апиистии моментально сузились в точку, линия век изломалась недобрым прищуром... ее лицо напоминало морду собаки из тех, что живут в пригородах мегаполисов. Несчастные животные, ведь у собак привязанность к человеку, как говорит Джинн, прошита в биосе, ну, то есть у нормальных собак, а у этих прошивка слетела. Сказать, что они не доверяют и не любят людей – это не сказать ничего. Я их живьем не видел, но смотрел фильмы по Интернету. Недавно где-то в Восточной Европе такие псы насмерть загрызли несколько человек, так что тему форсили все, кому не лень.

Черт его знает, что я задел в душе Апиистии, но сквозь ее суженные зрачки на меня на мгновение посмотрела сама ненависть. Если бы это чувство имело физическое воплощение, то оно, наверно, выглядело бы, как Апиистия.

– Дать бы тебе хорошенько, – процедила она, – да, боюсь, зашибу. Ладно, придумаю что-то поинтереснее. Джинн, а ну отставить! Я сказала, что нельзя передавать свою энергию другим? Вундеркинды гребаные!

– Ну я же чуточку... – попытался оправдаться тот. Апиистия тут же выдала неприличную рифму к слову «чуточку» и добавила:

– Придурки вы все-таки, мужики! Ты готов о ней заботиться всю свою жизнь? Допустим. Ну, молодец, но скажи мне – ты что, вечный, что ли? А случись с тобой что – как она без тебя, неприспособленная?

– Это вы про меня, что ли? – спросила добежавшая Дария. Я проверил, где Тень, – каюсь, подзадержался немного на старте, чтобы передать ей энергии, но потом все равно ведь наверстал! Она как раз проходила между причалом и лодкой, позади нее пыхтел Бракиэль, и они вдвоем почти догнали Куинни с Призраком. Вот эта парочка меня умиляет – они, вроде как вместе, но постоянно подначивают друг друга, ну, точнее, Куинни подначивает Призрака, а тот неуклюже отгавкивается. Он даже ругаться меньше стал, как мне кажется.

Когда Куинни стартовала, она рванула вперед на всех па-

рах, чтобы догнать Призрака, и догнала, после чего они побежали наперегонки. Но я знаю один секрет: Куинни бежит немногим хуже меня и легко «сделала» бы Призрака, больше привыкшего верхом на мопеде, чем пешкодралом. Но она тщательно делает вид, что выбилась из сил и еле тянется, а Призрак, кажется, втихаря пытается ей помогать, вот только передавать энергию пока не научился так же хорошо, как остальные...

Пока я посматривал за нашими, Джинн и Дария вяло переругивались с куратором. В конце концов, Апиствия патетически вскинула руки вверх, словно балерина, переходящая в пятую позицию (как это выглядит, я узнал благодаря Тени) и сказала:

– Вы не цепочка, вы заноза в заднице Проекта. Хорошо, кто ищет приключений, тот их находит. Не нравится бегать по кругу? Тогда так – возвращайтесь на базу, отдохните сто двадцать минут и выходите сюда. Я буду ждать вас с новым, интересным заданием.

У меня по спине пополз нехороший холодок. Уж больно тон у Апистии был угрожающим...

Тень

Несмотря на поддержку Фредди, я устала. Бегать под водой... если отвлечься от того, что само задание идиотское – в воде надо плавать, а не бегать, – то надо признать, что это

было тяжело. Мне постоянно хотелось оторваться от дна и поплыть.

Во время бега я ни о чем не думала – все мысли и внимание были сконцентрированы на одной задаче – бежать. Когда же мы с Фредди зашли через шлюз на базу, мысли затопили сознание, как вода ту самую шлюзовую камеру.

Почему я позволяю собой командовать? Понятно, почему – это моя плата за избавление от кошмаров – от человеческой зависти и похоти, направленных на меня. Забавно, но когда этот ядовитый туман рассеялся, я тут же обрела свою любовь. Фредди... мы разговаривали немного. Не знаю, как его, а меня всегда раздражал суетливый треск. Такое впечатление, что люди боятся тишины и заполняют ее кто музыкой, кто голопередачами, кто просто «светским общением» – читай, перебиванием косточек друг другу... Страх тишины я еще могла понять. Страх тишины – это страх одиночества, а страх одиночества мне знаком. Но это все равно, что пить туман вместо воды – жажду не утолишь. И в море пустых звуков не найдешь спасения от одиночества, от пустоты.

Мир, оставшийся там, был пустынным, как заброшенный город в Заполярье. В нем было много людей, но я тщетно пыталась найти Человека. Здесь, в Проекте, я впервые оказалась среди Людей. Например, как бы я ни относилась к той же Апибии (а относилась я к ней нейтрально от слова никак), не признавать за ней человеческого достоинства я не могла. Я по-прежнему любила Нелли, *mon diabolique*

анге, и очень о ней беспокоилась, хотя после того, как у нас с Фредди... после того как мы с Фредди стали парой, эти чувства немного потускнели. У меня болело сердце от мыслей о Льдинке. У меня была моя сестренка Дария, с которой мы, несмотря на новообретенные чувства – мои к Фредди и ее к Джинну, по-прежнему оставались очень близки... Но, конечно, теперь самое важное место в моей жизни занимал Фредди.

Фредди – моя судьба, моя жизнь. Со стороны это кажется безумным юношеским максимализмом, но это так. Я словно обрела целостность, я как замок, к которому нашелся единственный уникальный ключ. Мы соединились, мы срослись где-то там, в невидимом мире, и я знаю, где он находится, что делает, даже, кажется, что думает. Мы это никогда не обсуждали, но я была уверена, что он чувствует то же самое.

Нам пришлось разойтись, я отправилась в нашу с девушками спальню. Талисман мирно дрых на моей кровати – вообще, под водой он спал большую часть времени. Я беспокоилась: не повредит ли ему пребывание здесь, а тем более, как он будет чувствовать себя в космосе, но сам Талисман, в краткий период бодрствования, поспешил меня успокоить:

– Нормально буду чувствовать. Я уже начал предстартовую подготовку. Вообще, если ты не знала, кошки чудесно приспособливаются к невесомости. А я все-таки необычный кот.

Тем не менее вел он себя абсолютно как обычный кот –

когда не спал, делал вылазки куда-то за пределы нашей с девочками обители. Чем он там занимался, бог весть, но однажды я обнаружила у себя на кровати нечто определенно относящееся к классу головоногих. Где он его добыл, я даже представить себе не могла, а расспросить не решилась, уж не знаю, почему.

Я приняла душ, потом перекусила бутербродами с пищемассой, которые Дария сварганила на всю банду, пока я мылась. Пищемасса была со вкусом морепродуктов.

– Садизм какой-то, – сказала я, жуя. – Вокруг море, и даже паста у нас со вкусом креветок.

– Угу, – кивнула Дария. Она была занята – что-то ваяла из воска, попутно жуя такой же бутерброд, как и у меня.

– А Куинни где? – спросила я. Соседка пожала плечами:

– Ушла куда-то, может, к Призраку. Она не сказала. А что?

– Да так, интересуюсь просто, – я доела бутерброд и подошла к сестренке. – Знаешь, после того как...

Я замолчала. Мне все еще трудно было говорить о том, что случилось со Льдинкой, Нелли, Августом, Олгой... но, кажется, Дария меня поняла:

– У меня то же чувство. Но с Куинни сейчас все в порядке. Я просто знаю это. И вот что странно...

– Что? – спросила я.

– Я до сих пор чувствую и Олгу, и Августа, – сказала она. – Они далеко... нет, даже не так. Я бы сказала, что они не

здесь. Но где-то есть определенно. Странно, правда?

– Куинни тоже говорила, что не видела их... в своем путешествии, – кивнула я.

Дария приобняла меня за талию:

– Была бы здесь Льдинка, наверно, отругала бы нас с тобой. Мы боимся говорить о плохом... о смерти, – она вздохнула и, выпустив меня из объятий, вернулась к работе.

– А что это? – спросила я, заинтересовавшись тем, что она лепит. На столе лежало... стояло нечто, напоминающее поставленный на попа трофей Талисмана.

– Не знаю, – ответила Дария. – Пытаюсь слепить то, что мне иногда снится.

– Интересно... – я посмотрела внимательнее на работу. Теперь она напоминала цветок, орхидею, только какую-то неправильную. – Оно живое?

– Более чем живое. Оно меня пугает. Тебе ничего такого не снилось?

Я отрицательно покачала головой и спросила:

– Сколько осталось времени до выхода?

– В принципе, уже надо собираться, – соседка с неохотой отложила палочку, с помощью которой работала. – Даже не знаю, зачем я это ваяю, если оно меня так пугает. Связываться с этой тварью я вроде не собираюсь... но я никогда не знаю, что получится, когда беру кусок воска...

– Но ты ведь слепила нашу команду? – удивилась я. – Даже два раза...

– Три, – уточнила Дария и вновь пожала плечами: – говорю же, я не знаю. Иногда мне кажется, что у меня все под контролем, а как задумаешься... ладно, идем купаться.

– Тоже мне, купаться, – сказала я, облачаясь в комбинезон. – Дурацкий бег по дну. Кто пробегает по дну океана?

– Мятежная цепочка номер семь! – ответила с улыбкой Дария.

Призрак

Как говорят у нас на Сицилии, оказался бедный Призрак in culo alla ballena. Точнее и не скажешь.

Еще раз porco stronzo Фредди мне хоть слово скажет в защиту этой... этой... cazzarolla, не знаю, как эту merdoza putana Апистию еще назвать, чтоб уж точно наповал. Леди М, кстати, вовсе не леди Мегера, это версия для присутствующих с нами дам, М – это merdoza. Надеюсь, переводить не надо?

Мы бежим организованной толпой от базы вниз по склону материкового шельфа. Над нами уже дофига воды, так что темно, как в этой самой culo alla ballena. Хорошо хоть дно не такое илистое, как возле базы, хотя сразу после старта мы все, кроме Фредди, уже успели по несколько раз упасть и извазюкаться какой-то дрянью. Оказывается, испачкаться можно и под водой. Che pallo, лучше бы я этого не знал.

Наша задача – найти выпущенный porca merdoza Аписти-

ей подводный дрон. Если дрон улетел с шельфового склона, как сказала наша мучительница, придется нырять. Ну, мне не придется, на это вызвался Фредди. Он бежит чуть позади меня, потому что «бережет силы». Ага, бережет, при этом у него на руках Тень. Еще дальше сзади – Джинн с Дарией. Он ее тоже время от времени берет на руки, но долго так бежать не может. Я Куинни предлагал, но она только посмеялась и предложила потащить меня, *ficcatta mia*. Бежит рядом и, похоже, устает куда меньше. Замыкает нашу группу Бракиэль. Он держится позади не потому, что хуже бегаёт, а для того, чтобы проконтролировать и помочь, если у кого-то что-то случится.

Эх, я с удовольствием бы проделал этот путь на Цезаре, но пользоваться транспортом нельзя. И фич нельзя вызывать. Нельзя даже плыть – Апиствия, чтоб ее осьминог трахал, за этим следит и сказала, что если нарушим правила, повторим забег. Оно нам надо?

– Стоп! – по голосу (неплохо распространяющемуся под водой, но сильно искажаемому) я понял, как сильно устал Джинн. – Кажется, он где-то здесь!

– Кажется? – переспросил Фредди, останавливаясь и опуская Тень на твердую почву.

– Я его чувствую, – пояснил Джинн. – Затихарился между камнями, как тот удильщик.

Удильщиком, если Джинн не врет (а с чего ему врать-то? К тому же у него теперь в башке библиотека Ватикана, ему

ль не знать?), зовется одна местная рыбешка. Страшная, как чёрт с бодуна. Мы одну такую видели – у нее на носу ус, который светится. Я даже подумал, что это дрон отсвечивает, – ага, разбежался. Когда мы подошли, это морское чужырло свалило в темноту с таким видом, какой был у моего дяди, когда он слышал, что кто-то распотрошил хорошую тачку без его непосредственного участия. Ну и хрен с ним. Но, честно говоря, мне он понравился, прикольный такой, страшненький.

– Можешь поднять? – спросил Фредди. Дамы молчали: переводили дух. Я, если честно, тоже. А Бракиэль вообще редко разговаривает, и раньше меня это бесило, а теперь один хрен.

– Ща попробую, – ответил он, и в воде возникло знакомое напряжение. Теперь я чувствовал, когда кто-то собирается применить сверхспособности, и не только я один, но я все-таки посильнее других.

В лежащей неподалеку гряде камней (одной из многих; на бегу мы их тщательно огибали) произошло шевеление, а потом вспыхнул яркий электрический свет. Фуф, хорошо, что не на нас, а в сторону, противоположную той, откуда мы прибежали. Cazzarolla, наши очки, конечно, от такого защищают, но все равно после крошечной темени это чересчур.

Фредди метнулся к источнику света и вскоре появился, подняв над головой торпедообразное тело дрона:

– Попался! Ну все, народ, пора возвращаться...

– Ну-ка, посвети туда, – попросил Джинн, указывая направление. Фредди повел дроном (кстати, аппарат был немаленький, в воздухе весил, наверно, пару центнеров; в воде, конечно, поменьше, но все равно непринужденность, с которой Фредди оперировал дроном, впечатляла). Я посмотрел туда, куда он светил...

Метрах в пятидесяти от нас начинался обрыв. Словно замороженные, мы всей толпой двинулись к нему и остановились на самом краю. Обрыв уходил вниз метров на двести, если не больше; через толщи воды виделось покрытое чем-то темным, похожим на туманную дымку, дно. А вдалеке, может, в паре миль от края обрыва, мы увидели еще один, хм, подводный остров – грубо говоря, подъем дна, такой же, как тот, на котором стоит наша База.

И, cazzarolla, на вершине этого образования были какие-то странные... не знаю даже, как это назвать. Больше всего это походило на гигантские раковины моллюсков, но что-то мне подсказывало, что эти «раковины» рукотворные.

– Фак’н, мощная штука, – пробормотал Джинн, отступая от края и прикрывая собой Дарию. – Фигачит, как на суше.

Мне было не по себе, ребятам, кажется, тоже – Фредди поступил ровно так же, как Джинн, и, что самое странное, я тоже попытался закрыть Куинни от... чего? Какого-то подводного нагромождения?

– Знакомая штука, – тихо сказал Бракиэль. – Чужая, но почему-то знакомая.

– Я уже где-то видела что-то похожее, – согласилась Тень. – Не помню только, где и когда.

– Che cazza, мы так и будем стоять и пыриться на это? – спросил я. – Лично я думаю, что пора из этой bucca di culo el diablo валить поближе к базе. Мы поплавок нашли ведь, какого рожна еще здесь делать?

Мы развернулись и двинулись обратно прежним порядком. Фредди отдал дрон Бракиэлю и потащил свою Тень под горочку, за ним плелись Джинн с Дарией и мы с Куинни. Бракиэль с поплавком замыкал шествие, немного поотстав.

– Как ты думаешь, далеко... это? – спросил Фредди непонятно у кого.

– Кажется, мили две, – сказал я.

– Не больше мили, – возразил Джинн. – Под водой расстояния кажутся больше, и потом, у дрона мощный лазерный прожектор, но и его свет на двух милях рассеялся бы. Даже дистиллированная вода рассеивает свет, а здесь океан.

– Если ты такой умный, то, может, знаешь, что это за cazzatta? – спросил я.

Джинн отрицательно покачал головой:

– Понятия не имею. Попробовал сверить с информацией из базы данных, но ничего не находится, по крайней мере ничего вразумительного.

– А невразумительного? – уточнила Дария.

– Фанарт, – ответил Джинн. – Рисунки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.